

Юлия Андреева Король-Лебедь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=635875
Юлия Андреева. Король–Лебедь: Крылов; Санкт-Петербург; 2006
ISBN 5-9717-0323-4

Аннотация

Летом 1845 года в Германии два враждующих между собой рыцарских ордена – Святого Георгия и Иллюминатов – ждали рождения чудо-ребенка. Одни с надеждой, другие – с ужасом. Ведь древнее пророчество гласило, что он преобразит Баварию и возвысит ее над всем христианским миром...

Столь долгожданный ребенок, Людвиг Второй, был ослепительно хорош собой, удивительно музыкален и пластичен – не зря народ звал его Королем-Лебедем. Этому принцу из сказки идеально подходили рыцарские замки и озерные пейзажи.

Но, едва взодя на престол, Людвиг не стал бороться за расширение земель и бряцать оружием, а также крепить авторитет принятыми в XIX веке способами.

Первый его королевский указ гласил: "Доставить в Баварию маэстро Вагнера! На моей родине каждый человек должен слушать эти божественные звуки и приобщаться к высокому!".

Баварцы призадумались...

Содержание

Часть первая	4
Предсказание	4
Мессия красоты	7
Замок Хохеншвангау	9
Тайна наследника	12
Происшествие в деревне	16
Высокий лебединый край	18
Лоэнгрин	20
Казнь у лебединого озера	22
Призрак собственного замка	25
Дорога на Мюнхен	27
Начало пути	30
Лоэнгрин – призрачная вечеря	32
Орден Святого Георгия	36
Часть вторая	38
Королевская власть	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Юлия Андреева

Король–Лебедь

Вернувшись, море в берег бьет крутой.

Из–за горы глядит светило дня.

Для солнца путь открылся золотой.

И мир людей открылся для меня.

Роберт Браунинг

Часть первая

Предсказание

Летом 1845 года в Баварии и Германии отдельные астрологи, маги, прорицатели, равно как духовные общества, рыцарские ордена и братства, ждали прихода мессии. В конце августа 1845 года планеты встали в подобающее для появления чудо–ребенка положение. Были отмечены необыкновенные знаки на небе, свидетельствующие о том, что в самое ближайшее время, буквально до конца месяца, в Баварии или Германии на свет должен появиться необыкновенный ребенок, и это событие изменит ход истории. Что это будет за мессия и о каком именно изменении идет речь, знали лишь избранные. В архивах господствующего в Баварии ордена Святого Георгия хранилось древнее пророчество, оставленное самим Иоганном Беме, согласно которому Бавария получит новый шанс на духовное преображение посредством чудо–младенца. Поскольку речь здесь идет ни много ни мало – о воплощении воина духа, существа, посланного самим небом. В своем тайном послании магистру ордена Иоганн Беме разъяснял, что следует ждать не Библейского мессию, не воплощение Иисуса Христа, а рыцаря горного мира, страны Святого Грааля, подлинного мессию красоты.

В своей работе Беме предсказал, что ребенок появится на свет 25 августа 1845 года в Баварии. Что звать его будут Людвиг или Людовик. Долгие годы эта информация считалась тайной, так как больше всего на свете рыцари ордена боялись потерять этот данный им свыше шанс.

Знаки появления необыкновенного младенца наблюдались повсюду. Уже во второй половине августа орнитологи отмечали необыкновенную активность птиц, которых становилось все больше и больше. Причем прилетевшие птицы все как одна были белого или серого цвета. Отчего птицы избрали для своего перелета конец лета, а не весну или осень? Почему они вдруг изменили маршруты своей обычной миграции? Эти вопросы оставались тайной. Никогда прежде в Баварии не удавалось наблюдать такого количества белых птиц. Гуси и лебеди, буревестники, чайки и конечно же белые голуби кружились стаями над крышами домов, над лесами и горами, словно искали кого–то, кто еще только должен был появиться на свет. Белые птицы плавали по глади зеркальных озер, дежурили на ветках деревьев и на красных черепичных крышах. Также в конце лета в садах и парках было отмечено необыкновенное количество распутившихся белых цветов.

Лето выдалось жарким и дождливым, как часто бывает в этих местах. Но в это необыкновенное лето ни один дождь, ни одно появление на небе солнца не обходились без радуги или каких–то иных ярких и заметных знаков на небе.

Датой рождения чудесного младенца астрологи определили 25 августа, что для ордена Святого Георгия, как это уже было сказано, являлось дополнительным подтверждением пра-

вильности пророчества. Рыцари основных делящих власть в Баварии мистических рыцарских орденов – Святого Георгия и мистического ордена, или, как их называли чаще, секты Иллюминатов, готовились к этому событию задолго и по-разному.

Однако, если орден Святого Георгия во главе со своим магистром королем Баварии Людвигом Первым¹ искали знаки, которые могли бы рассказать им о месте рождения будущего мессии, с тем чтобы, отыскав ребенка, воспитать его в идеалах благородного рыцарства. В надежде, что, когда малыш подрастет, он сможет с Божьей помощью возглавить орден, приняв на себя полномочия магистра. Орден же Иллюминатов искал младенца с тем, чтобы убить его.

Задолго до рождения нового мессии по всей Баварии и Германии были разосланы принявшие обед посвящения в секте врачи, медсестры и акушерки, которые должны были отыскать младенца и умертвить его. При этом иллюминаты уничтожали не только малышей, родившихся 25 августа, то есть в день, когда согласно расчетам астрологов должен был появиться мессия, но и всех детей, родившихся в августе. Несмотря на то что мессию ожидали мужского пола, опасавшиеся ошибки иллюминаты на всякий случай убивали и девочек.

Но легко сказать – пойдите и убейте, когда давно уже замечено, что Господь любит даровать свою милость простым людям, позволяя рождаться избранныкам в самых неприемных семьях, до которых никому нет ни какого дела и которым по этой самой причине легче спрятать младенца. А это дополнительные сложности, ведь простых людей несравнимо больше, нежели знати.

В 1845 году эта особенность была учтена. Особое внимание убийцы–иллюминаты уделили семьям крестьян и горожан, которые либо пользовались услугами дешевых больниц и клиник, либо прибегали к помощи практикующих в их местности врачей.

Таких детей обычно труднее всего обнаружить, так как здоровая крестьянка вполне могла рожать у себя дома в окружении родственников и не вызывать к себе акушерку. Зато все носили детей креститься и регистрировать в местные мэрии и полицейские участки. А там, как уже можно догадаться, ничего не подозревающих родителей уже ждали. Все делалось быстро, организовано и чисто. Смерти не вызывали ни малейших подозрений, так как детей убивали, давая им повышенную дозу снотворного, которое было невозможно определить во время вскрытия. К 25 августа операция по детской зачистке проходила со впечатляющими результатами, а кладбища уже пополнились свежими крохотными могилками.

Казалось, что ничто теперь не сможет воспрепятствовать хорошо отлаженной деятельности секты, и чудесный ребенок так и не появится, осчастливив своим появлением погибающую в своей бездуховности и косности Баварию.

25 августа 1845 года в день своего рождения пятидесятидевятилетний магистр ордена Святого Георгия, король Баварии Людвиг Первый Виттельсбах стоял у окна своего кабинета в замке Берг и смотрел в сад. Вот уже несколько дней ему поступали доклады от подчиненных относительно детоубийц, но он не мог не только дать этому делу ход ввиду отсутствия доказательств совершения этих преступлений, но и как-то защитить несчастных детей.

Да, магистр совершил серьезную промашку, недооценив противника, и теперь был вынужден наблюдать за жестокими убийствами, творившимися по всей Баварии. Невинные дети погибали повсюду, а рыцари его ордена, призванные защищать свой народ, не могли предвидеть, где им будет нанесен следующий удар.

Вот если бы можно было собрать всех рожениц в одном замке, выставить стражу и защитить таким образом мессию, а заодно вместе с ним и всех невинных детей... Но

¹ **Людвиг I** (нем. *Ludwig I. von Bayern*, 25 августа 1786 – 29 февраля 1868) – король Баварии с 13 октября 1825, из династии Виттельсбахов. Сын короля Максимилиана I. Получил первое имя в честь своего заочного крестного отца Людовика XVI, короля Франции, полное крестильное имя Людвиг Карл Август.

было поздно. Посвященные сбились с ног, не зная, как собрать сведения о находившихся на последнем месяце беременности женщинах. Не обладавший столь мощной агентурной сетью, как у иллюминатов, орден Святого Георгия терпел фиаско.

Магистр попытался расслабиться, слушая голоса астрала, его связь с не рожденным еще мессией была очевидна. Ребенок должен был появиться сегодня – то есть в день его рождения, его тоже должны были назвать Людвигом, он должен был в дальнейшем возглавить его орден, а значит, именно он, король и магистр, должен был каким-то образом обезопасить появление мессии на свет Божий.

Хорошо сказать – обезопасить. Но как это сделать? Как опередить убийц и вырвать из их когтей драгоценного младенца, когда даже не известно, в какой именно семье он должен появиться. В каком городе или деревне его искать? Задача не из легких.

Утешало одно. Искомый младенец был либо еще не рожден, либо рожден, но не умерщвлен. А значит, за него еще можно было бороться.

Неожиданно магистр ощутил мощнейший прилив энергии. Поток света и музыки вдруг неведомо откуда ворвался в его видения, заставив выйти из транса и открыть глаза. Необыкновенная радость распирала грудь, так, словно на душу короля снизошла благая весть.

«Аллилуйя! Он родился! Он появился на свет! – прошептал Людвиг Первый, предусмотрительно зажимая себе рот, так как боялся, что его слова будут услышаны шпионившей для иллюминатов прислугой. – Аллилуйя!»

Король открыл окно и вдохнул полной грудью запахи цветов и свежескошенной травы на лужайке.

Вдруг взгляд его остановился на необыкновенном зрелище – в озере, что сияло зеркальным овалом посреди парка, плавал великолепный белый королевский лебедь. Никогда прежде эти прекрасные птицы не прилетали на озеро короля, и даже когда тот распорядился закупить пару штук и поселить их возле дворца, ничего не получилось. Птица захирела и издохла к зиме.

Теперь король наблюдал царственного лебедя, который грациозно смотрел на свое отражение, то и дело опуская прекрасную голову в воду и вылавливая оттуда мелких рыбок.

Это был знак. Наивернейший знак того, что долгожданное событие свершилось. Король огляделся по сторонам и изумился увиденному: все балконы дворца, крыша крытой галереи, подоконники и балюстрады сверкали от обилия белых голубей, которые все прилетали и прилетали.

Птицы были замечены слугами и придворными, которые выглядывали из окон, подзывали детей, показывая в сторону лебедя и голубей, что нисколько не смущало птиц, которые вспархивали, заметив излишне резкое движение, в их сторону и тут же садились поблизости, на первое свободное местечко. Словно их первейший долг был находиться тут, свидетельствуя о произошедшем чуде.

Мессия красоты

В это время возле замка послышался стук копыт, и вошедший камергер доложил о прибытии в Берг нарочного из Хохеншвангау с письмом. Магистр велел немедленно принять его и вскоре уже читал запечатанный по всем правилам королевского дома конверт, в котором управляющий сообщал ему о рождении внука. Мальчик появился на две недели раньше срока, но тем не менее его мать и невестка Людвига Первого Мария Прусская² пребывала в прекрасном состоянии.

Едва успев дочитать письмо, магистр упал на колени перед распятием и вознес жаркую, но краткую молитву Богу–Отцу и своему небесному покровителю – Святому Георгию. После чего чиркнул записку своему заместителю в ордене, требуя немедленно отправить в Хохеншвангау охрану для новорожденного, и, вскочив в седло, помчался в сторону родового замка, в котором, возможно, дожидался его не просто внук, а новорожденный мессия.

Вместе с королем на не менее резвых конях неслись два его телохранителя и четверо посвященных в тайну Грегорианского ордена рыцарей, находившихся постоянно при персоне магистра.

О том, что новорожденный действительно мессия, говорили, нет, кричали стаи белых птиц, которых становилось все больше и больше, по мере того как конники приближались к лесному замку.

Проезжая мимо Шванзее³, что расположено под горой, на которой стоял Хохеншвангау, король и его спутники невольно остановились, пораженные до глубины души чудесным зрелищем – все озеро было белым от стаи лебедей. Прекрасных белых птиц было семнадцать, а вожак – словно король среди своей многочисленной свиты.

Крыши и деревья вокруг среднего замка и замковых построек, так же как в Берге, занимали белые птицы. Издалека могло показаться, что крыши и крепостные стены были покрыты вдруг выпавшим снегом.

Вопреки традиции, король не спешил у ворот замка, а подлетел к лестнице, где быстро перебросил ногу через круп коня, на ходу спешиваясь. Бросив поводья подлетевшему мальчишке и не отвечая на приветствия и поклоны, Людвиг ворвался в замок. За ним следовали верные главе ордена рыцари Святого Георгия.

Каждая секунда была на счету. Проклятые шпионы могли оказаться в комнате роженицы, быть среди прислуги или охраны.

Король быстро поднялся по лестнице, ведущей в комнату невестки, где его встречали приседавшие в книксене служанки. Постучавшись в хрупкую, изукрашенную причудливыми стеклами дверь, король вошел в комнату.

Не было никаких сомнений: лежавший в розовой атласной постельке младенец был именно тем, кого он искал и которого невольно оплакивал в каждом невинно убиенном малютке. Господь услышал молитвы Великого магистра, позволив Марии разродиться раньше времени, и отвел таким образом удар проклятых иллюминатов, ожидавших появления наследника престола только через полмесяца.

Слава Господу! И его мудрости! Мессия красоты был рожден и до сих пор не убит.

Но опасность еще не миновала. Донесение о том, что у принца Максимилиана родился сын, а у короля и магистра ордена Святого Георгия – внук, могло уйти одновременно и во вражескую ставку.

² Мария Фридерика, кронпринцесса баварская, на портрете работы Йозефа Карла Штилера. 1843. Галерея красавиц во дворце Нимфенбург.

³ Шванзее (нем.) – Лебединое озеро.

Появление прекрасных птиц было знаком, который мог понять не только Людвиг Первый, но и всякий посвященный в тайну рождения чудо–ребенка или сколько–нибудь умеющий считать знаки. А значит, в любой момент в Хохеншвангау могли нагрянуть воины иллюминатов.

Король окинул тревожным взглядом аккуратную розовую спальню, только сейчас обратив внимание на лежавшую на широкой постели и не сводившую с него глаз невестку.

– Что–нибудь не так, отец? Что–нибудь не так с моим Людвигом? – она попыталась приподняться, но скорчилась от боли.

– Все так, дорогое дитя! Ради всего святого, отдыхайте, – Людвиг проследовал к окну и задернул плотные шторы. Прекрасная, увитая с внешней стороны диким виноградом и иными ползучими цветами веранда, на которой родился его первый внук, была сделана лет пятьдесят назад и тогда казалась очень красивой, модной и изящной. Теперь король с ужасом глядел на соединенные тонкими деревянными полосками витражные стекла, на балкон, на который в любой момент могли как подняться со двора, так и спуститься с крыши. Стекло, стекло и еще раз стекло.

Ужасная веранда не могла послужить надежным форпостом, в случае если королю и его немногочисленной свите пришлось бы отражать атаки.

Людвиг бережно взял в руки ребенка и, выглянув в коридор, подозвал к себе своего адъютанта.

– Мою невестку следует немедленно перенести в главную башню замка, ребенка я заберу сам. Вы быстро делаете носилки и доставьте принцессу туда. В башне мы сидим столько времени, сколько понадобится для того, чтобы в Хохеншвангау добрались наши воины. Я хочу, чтобы в замке была полностью сменена прислуга до последнего кухонного мальчишки. Все должны быть проверенными слугами и друзьями ордена. Ни одного случайного человека. Даю сутки для тайного размещения гарнизона и замены персонала. Тайного, мой друг, я не хочу, чтобы мой сын узнал что–нибудь о происходящем здесь, – он весело подмигнул сэру Стефану Дюрану и, прижимая к себе драгоценный сверток, последовал с ним в главную башню замка.

Через час в Хохеншвангау прибыл боевой отряд ордена, к вечеру в замке была произведена полная замена прислуги. Так что прибывший сын короля, принц Максимилиан Йозеф⁴ не заметил ни малейших перемен и даже не признал в новом кучере замка первого министра своего отца и рыцаря ордена Святого Георгия Стефана Дюрана, чем очень обрадовал своего отца.

В считанные часы рыцари ордена Святого Георгия создали тайную многоярусную защиту замка, через которую не мог пробраться шпион иллюминатов, да и вообще никто не мог пробраться, не будучи обнаруженным рыцарями, переодетыми по такому случаю в одежды простых сельских жителей, лесников, рыбаков, охотников и псарей. Руководил ими всеми верный королю и рыцарской клятве сэр Дюран, которому и предстояло теперь заботиться о жизни наследника.

За считанные часы в округе замка Хохеншвангау не осталось ни одного почтальона, молочницы, пекаря или сельского учителя, не получивших посвящение в ордене, магистром которого был король Баварии Людвиг Первый.

⁴ **Максимилиан II** (нем. *Maximilian II. von Bayern, Максимилиан Иосиф*; 28 ноября 1811 – 10 марта 1864) – король Баварии с 1848 по 1864 годы, из династии Виттельсбахов.

Замок Хохеншвангау

Когда маленькому Людвигу исполнилось три года, его дед – король Людвиг Первый отрекся от престола в пользу своего сына взбалмошного и помешанного на устройстве собственного войска принца Максимилиана. На такой шаг короля толкнул сделавшийся достоинством общественности его роман с танцовщицей Лолой Монтез⁵.

Пресса заклевала короля, позоря его на каждом шагу и обсуждая, сколько денег он истратил на любимую женщину. Когда семейный совет вкупе с советом министров предложили королю выбрать между короной и любовью, Людвиг Первый, прозванный в Баварии романтиком, избрал любовь. После чего бывший король отправился в Италию, где пополнил собой ряды художников, поэтов и мистиков. Пропутешествовав год и вернувшись в Баварию без Лолы, которая бросила незадачливого любовника, едва только он утратил власть, бывший король обосновался в одном из своих малых дворцов в Мюнхене, откуда и руководил орденом.

Это была основная версия, о которой знали все. Но была и другая: в день перед решающим советом король молился в орденой церкви, прося своего небесного патрона помочь ему принять правильное решение. По словам дежуривших возле дверей церкви слуг, проведя ночь в священном месте, наутро король вышел оттуда веселым и просветленным. Так что те, кто близко знал короля, поняли, что он получил благоприятный ответ...

Вернувшись из своего путешествия, Людвиг Первый направил все силы на достойное воспитание своего внука, которому были нужны не только защита, но и помощь в духовном развитии.

Однако дед не смог поселиться в Хохеншвангау вместе с вновь беременной невесткой, малышом и несколькими преданными им слугами, на то не было воли нынешнего короля. Тем не менее каждый день он получал подробнейшие сведения относительно того, что делал кронпринц и какие в нем произошли перемены. Время от времени бывший король навещался в Хохеншвангау, для того чтобы встретиться с малышом лично. Там, устроившись в зеленой беседке парка или гуляя возле прекрасного лесного озера, старый Людвиг рассказывал своему крошечному внуку истории и легенды, которые так любил мальчик.

Шли годы. У маленького Людвиг подрастал брат Отто⁶. Время от времени в Хохеншвангау навещался король Максимилиан. Нервный и вечно чем-то недовольный он не собирался перевозить семью в столицу, предпочитая компании офицеров и казарму тихой семейной жизни. Он не любил свою жену Марию, считая ее глупой и ничего не понимающей в военной подготовке женщиной, чей удел – рожать солдат и помалкивать.

⁵ Наступление старости не мешало любовным похождениям Людвиг. В 1846 году он подпал под сильное влияние ирландской авантюристки Элизы Гильберт, выдававшей себя за «испанскую танцовщицу Лолу Монтез», которой удалось свергнуть клерикальное министерство Абеля, а потом и умеренное министерство Маурера. Было организовано так называемое министерство Лолы, но политическая реакция не стала от этого слабее, хотя и потеряла свой клерикальный оттенок. Революционное движение 1848 года принудило Людвиг отказаться от короны в пользу сына, Максимилиана II; Лола была вынуждена покинуть Европу и уехала в США. С тех пор бывший король жил частным человеком, посвящая себя по-прежнему покровительству искусствам. Людвиг I умер в Ницце, пережив сына, когда уже царствовал его внук Людвиг II. Конная статуя его воздвигнута в Мюнхене в 1862 году, ещё при его жизни.

⁶ **Отто (Оттон) I**, (нем. *Otto I., Отто Вильгельм Луитпольд Адальберт Вольдемар*; 27 апреля 1848 – 11 октября 1916) на протяжении 27 лет (с 13 июня 1886 по 5 ноября 1913) был царствующим королём Баварии и ещё три года (с 5 ноября 1913 по 11 октября 1916) нецарствующим, хотя, возможно, так вообще и не узнал о том, что он король. Из-за его тяжёлой психической болезни (официально это называлось «Король скорбен разумом», *der König ist schwermütig*) всё его правление власть в Баварии находилась в руках регентов: сперва дяди, а затем кузена короля. Болезнь стимулировала развитие неврологии и психиатрии в Германии. Отто был младшим братом знаменитого короля-романтика Людвиг II, друга Вагнера и строителя баварских замков, у которого также были наследственные проблемы с психикой.

Королева Мария тоже не рвалась поселиться с мужем под одной крышей. Ей вполне хватало и того, что тот раз в месяц являлся в Хохеншвангау и, распространяя вокруг себя пивные ароматы, забирался в ее постель.

После рождения Отто она больше не беременела, так что постепенно король утратил к ней всякий интерес и, наверное, запер бы надоевшую супругу в монастыре, если бы она не была нужна ему в качестве воспитателя его сыновей.

Правда, Людвиг и Отто воспитывали на военный манер приставленные к ним офицеры запаса, но не в меру впечатлительный наследник престола ни по чем не желал расставаться с матерью и даже как-то устроил отцу форменную истерику из-за того, что тот хотел услатить ненавистную королеву в ссылку.

Впрочем, сыновья скорее должны были радовать Максимилиана, нежели беспокоить. Крепкие и достаточно высокие для своего возраста оба мальчика росли сильными и выносливыми. Оба рано научились держаться в седле, стрелять и делать упражнения с маленькими ружьями. Оба часами занимались на плацу, вытягивая ножку и делая «на плечо», «коротким коли» и «длинным коли».

Кроме обязательных спортивных и воинских дисциплин, принцы изучали естествознание, математику, древние языки, мировую историю и историю отечества и литературы.

Опасения доставлял Людвиг, который рос мечтательным и нежным ребенком. В десять лет больше всего наследник Баварии любил читать книги, о которых мог потом говорить часами. Он постоянно придумывал продолжения и то и дело оказывался сам в полюбившейся ему истории, с тем чтобы то разорвать оковы томящегося в неволе рыцаря, то снять веревку с шеи несправедливо приговоренного к смерти, то броситься в пучину моря за тонущей принцессой. Людвиг был поэтом и музыкантом, сразу же после занятий на плацу или в манеже он мог бежать в библиотеку замка или музицировать на материнском клавесине.

Нередко прислуга заставляла его на коленях перед картиной с изображением Христа, у которого юный принц слезно молил простить род человеческий за то, что ни один из присутствующих на казне не обнажил меч и не порубил стражу.

Когда Людвигу объяснили, что жертва Христа была необходима для спасения всего человечества, мальчик возразил, что не желает спасения, за которое кому-то пришлось испытывать страдания и умирать.

– Я не хочу, чтобы кто-то отдавал за меня свою жизнь. Чтобы кого-то, а тем более ЕГО, распинали на кресте! Если Бог добр – он поймет меня и согласится спасти меня сам без всякой жертвы. Если зол – значит он не Бог!

«Откуда у него это»? – не понимал отец.

Для того чтобы заставить сына выбросить дурь из головы, он велел учителям увеличить нагрузки, но крепкий мальчик с легкостью справился со всеми данными ему заданиями и вышел победителем из сложнейших испытаний.

Отец велел экзаменовать его, и Людвиг ответил на все каверзные вопросы собранного отцом трибунала.

Секрет такой работоспособности юного принца был прост и одновременно с тем непостижим для короля. Мальчик боготворил своего отца. Больше всего на свете он желал добиться его расположения и любви, чего не мог дать ему не умевший любить даже себя самого король.

Людвиг страдал, ощущая лишь холод и настороженность со стороны недоступного короля. Он был готов измучить себя на плацу, лишь бы только вызвать похвалу родителя. Но все было напрасно. Ничто не трогало это ледяное сердце. И чем больше принц старался стать таким, каким хотел видеть его король, тем больше король уходил от него, тем больше он находил сына странным и непостижимым.

Эта борьба шла несколько лет, за которые Людвиг не сумел приблизиться к отцу ни на один шаг.

Тайна наследника

Однажды утром Людвиг прокрался в комнату брата и, разбудив его, велел немедленно одеться и следовать за ним. При этом Людвиг казался взволнованным, он сразу же запретил Отто разговаривать и задавать вопросы.

На цыпочках наследник престола подкрался к двери и, высунув голову в коридор, слушал какое-то время тишину.

– Все в порядке, – наконец сообщил он. – Сейчас, когда слуги только начинают просыпаться, никто не хватится нас, и я смогу рассказать тебе страшную тайну.

– Тайну?! – глаза Отто засверкали, он восторженно смотрел на брата, не зная, как следует реагировать на подобные предложения. Его ладони мгновенно вспотели, кроме того, от волнения он вдруг почувствовал, что не плохо было бы перед тайной прогуляться до туалета. Но разве можно говорить на столь низменные темы, когда старший брат предлагает тебе такое?..

– Тайну, – Людвиг придирчиво окинул Отто с ног до головы, и обратно, велел ему заправить рубашку в бриджи, после чего сам помог надеть матросскую курточку, которая была приготовлена с вечера.

Крадучись они выбрались из комнаты и проследовали до конца коридора, держа под мышками свои башмаки и стараясь не дышать. Внизу на кухне уже гремела кастрюлями кухарка, из кладовки слышалось тихое пение одной из служанок, которую, должно быть, отправили за маслом или молоком.

Не замеченные ни кем мальчики выбрались из дворца и тут же стремглав шмыгнули в раскидистые кусты сирени, где у них уже давно был сделан тайный лаз и где их никто не мог видеть.

Кусты были такими старыми и густыми, что братья могли не опасаться, что кто-нибудь разглядит их сквозь эти ароматные заросли. На четвереньках они проползли до следующей парковой аллеи, где поднявшийся на ноги Людвиг нарвал букет цветов, пригибая к земле ветки. Отто хоть и был ростом ниже брата, помогал по мере своих возможностей. Он залезал на высокие ветки, повисая затем на них, так что те прогибались под его тяжестью.

Придирчиво разглядев букет и найдя его достаточно красивым, Людвиг разрешил брату выбирать из куста сирени, после чего они устремились вглубь парка.

– Я хотел сказать тебе, Отто, что в последнее время моя жизнь коренным образом изменилась. И я надеюсь, что в скором времени не только ты, но и все остальные узнают об этом, – он сделал серьезное лицо, приняв позу Наполеона Бонапарта, смотрящего вдаль, как это было изображено на картине, висевшей в будуаре его матери королевы Марии.

– А что такое «коренным образом»? – Отто открыл рот, его карие глаза смотрели на брата с восхищением.

– Это значит – насовсем. Решительно и бесповоротно, – снисходительно пояснил Людвиг. – Дело в том, что недавно я познакомился с молодой особой, которую полюбил чистой и возвышенной любовью, – он сделал паузу, давая возможность брату уяснить, что к чему. – В общем, мы встречаемся уже две недели. И думаю, это очень серьезно.

– Ты собираешься жениться?! – голос Отто сорвался, превратившись в сдавленный визг.

– В том-то и дело, что нашему счастью не бывать! – Людвиг потрянул своими черными, точно воронье крыло, густыми кудрями. – Ведь я наследник баварского престола, а она... Впрочем, не стоит нарушать инкогнито.

– Чего нарушать? – опять не понял Отто.

– Секретности, – помог ему брат. – Отец непременно пожелает, чтобы я женился на своей ровне, на какой-нибудь принцессе или герцогине. Ему нет дела до истинных чувств! До любви! До благородных порывов, – он вздохнул, заламывая руки. – Боюсь, Отто, что если я представлю свою прекрасную и чистую, словно слеза, возлюбленную отцу, тот будет решительно протестовать против нашего брака.

– Прости. Ты, значит, должен будешь жениться на принцессе? Это на какой такой принцессе? На сестрице Софье или на Анне, что приезжала в прошлом году из Польши?

– Какая разница, на какой, когда мое сердце отдано... – он поспешно закрыл себе ладонью лицо. Отто стоял рядом, словно замороженный, забыв обо всем на свете.

Людвиг поднес к лицу букет сирени, вдыхая аромат цветов, его грудь то вздымалась, то снова опускалась, глаза выражали крайнее волнение и решимость.

– Если король будет против моей любви, я отрекись от престола и уйду отсюда, взяв лишь то, что на мне надето. Тогда я уйду к ней, к моей ненаглядной. Буду жить в лесу у Лебединого озера, чтобы иметь возможность каждый день видеть перед собой это чудесное создание, целовать ее ручки, слушать ее голос.

Он обнял за плечи брата, увлекая его за собой по узкой аллейке мимо кустов акации и шиповника. Вместе они дошли до маленького леска, за которым начиналось озеро.

– Пока я еще не отрекся от престола, пока я еще наследник, а значит, ты являешься моим верным подданным, моим адъютантом, моим гвардейцем, которому я хочу доверить охрану моей персоны и персоны моей невесты. Ты будешь стоять здесь, – Людвиг нарисовал носком ботинка на земле крест, – это пост, который нельзя оставить. Моя дама ждет меня внизу у озера. Там мы встречаемся с ней каждый день. Сейчас я пойду к ней, а ты должен ждать меня и свистеть, в случае если сюда кто-нибудь придет. Все понял?

– Все, – Отто закивал, боясь пропустить какую-нибудь значимую информацию. – Я постою здесь, братик. Я все сделаю. Но... – его распирало жгучее любопытство. – Но я же никогда не видел твоей любимой. Что если я замечу ее и засвищу тебе, как об опасности, не напугаю ли я тогда твою девочку?

– Она не станет проходить здесь, – Людвиг таинственно ухмыльнулся, пытаясь отвлечься от брата.

– Почему же, ведь из деревни к озеру можно пройти только этой дорогой, да и из замка тоже. Не думаю, что твоя любимая станет бегать через лес, портя свое платье.

– Ей не нужно ходить и тем более бегать через лес, – Людвиг вздохнул, вновь прижимая букет к лицу. – Дело в том, что она ждет меня там... в озере... она русалка, – сказав это, Людвиг резко развернулся и, чеканя шаг, пошел в сторону озера, не оборачиваясь и не слушая дальнейших расспросов и просьб брата.

Шло время. Отто больше всего на свете хотел в туалет и увидеть прекрасную русалку. Он много слушал сказок об этих удивительных созданиях, но никогда не видел их воочию. И вдруг ему представилась такая редкостная возможность.

Он выглянул из-за куста, перед которым начертал крест старший брат, но не увидел ни Людвигу, ни его дамы. Решив, что, должно быть, брат уже объяснился в любви и вот-вот придет снять его с поста, Отто потоптался еще несколько минут, не зная, что предпринять. Справить нужду прямо здесь – но если Людвиг застанет его за этим занятием или обнаружит лужу, не сочтет ли он это явным оскорблением и себя и своей дамы? Отойти в кусты? Но ведь брат четко сказал, где ему следует стоять. Когда-нибудь Людвиг станет королем, и он – Отто Виттельсбах – всегда будет его подданным. Отец требовал, чтобы он знал свое место, и Отто его знал.

С другой стороны, если Людвиг женится на русалке, ему придется отречься от престола и тогда трон достанется Отто. Но пока Людвиг не женился и не отрекся, он наследник, а

значит, несчастному Отто приходилось ждать, понимая, что еще немного и он опозорится при исполнении особо ответственного задания будущего монарха.

Отто скрестил ноги, его трясло, по лицу катились крупные слезы. Он попытался снова выглянуть из-за куста и позвать брата, но у озера, похоже, никого не было. Скрючившись, он сделал шаг по направлению к Шванзее, и в этот момент произошло неизбежное. Отто заревел в голос и побежал к замку, чувствуя свое ничтожество и желая одного – умереть.

За завтраком мальчики не разговаривали. Чувствуя вину и презирая себя за то, что сделался в глазах брата посмешищем, Отто дождался, когда после завтрака их позвали на урок фехтования, который должен был проходить в саду, и, подойдя к Людвигу, сильно толкнул его плечом.

– Что тебе нужно, зассыха? – Людвиг зажал пальцами нос, изображая, что он не может дышать рядом со зловонным братцем.

– Между прочим, я встречался с твоей русалкой. И она сказала, что любит меня! – выпалил в лицо старшему брату красный от злости Отто. И убежал переодеваться в костюм для фехтования.

Через четверть часа оба мальчика стояли друг против друга с масками для фехтования и рапирами в руках. Людвиг был белым точно призрак, лицо Отто оставалось красным.

После того как учитель дал сигнал к началу боя, мальчики одновременно надели маски и отсалютовали друг другу.

– Ты врешь, что встречался с Анабель! – сделал свой выпад Людвиг, попытавшись кольнуть брата в горло.

– Встречался и целовался! – парировал удар Отто, отступая на шаг и прикрывая горло эфесом.

– Наглая ложь! Ты не мог встречаться с ней, потому что...

– Потому что ее не существует? – Отто кольнул брата в коленку, и учитель засчитал попадание.

– Потому что она не такая! Потому что она была со мной! – Людвиг вытеснил брата из центра площадки и теперь пытался заставить его только защищаться.

– Она была с тобой сегодня, но вчера... Я сам женюсь на ней! У тебя – у наследника кишка тонка, а я не наследник, хоть и принц. И мне никто не мешает делать то, что захочу я. Она станет моей принцессой, а ты останешься один!

Принц опустил рапиру, и направленное в него оружие брата кольнуло в сердце, выгнувшись при этом.

– Хорошо. Если это сделает Анабель счастливой, я не стану препятствовать вам. Живите с миром, – он заплакал и, не слушая велевшего ему закончить поединок, как это подобает, учителя, убежал прочь.

На следующий день Отто был и сам не рад своей выдумки. Людвиг облачился во все черное, то и дело плакал, целый день скрываясь либо в своей комнате, либо в одной из садовых беседок.

– Прости меня, Людвиг, – наконец не выдержал Отто, пробравшись в библиотеку, где на этот раз спрятался от всех старший брат, точно черная грустная птичка, устроившись на высокой стремянке перед шкафом со старинными легендами. – Я соврал тебе. Я не знаком с твоей Анабель, и она никогда не любила меня и не обещала стать моей женой, – он заплакал. – меня вообще никто не любит. Я не достоин твоего прощения, и вообще ничего из меня хорошего не получится.

– Хорошо. Я прощаю тебя, – раздался откуда-то с высоты звонкий, печальный голос Людвига.

Отто посмотрел вверх и увидел белое в черной оправе волос исстрадавшееся лицо брата на фоне голубых небес, нарисованных неизвестным художником на потолке.

– Я прощаю тебя, Отто. Но теперь оставь меня. Я должен все как следует обдумать. Оставь меня одного, – донеслось с нарисованных небес.

Отто кивнул и, вытирая рукавом мокрое лицо, поспешно покинул старшего брата.

Происшествие в деревне

Людвиг и его брат Отто любили ходить в деревню, где они играли с деревенскими мальчишками в войну, прятки или круговую лапту. В Хохеншвангау знали об этом и не запрещали. В деревне все знали, что Людвиг – наследник престола, так что детям было, с одной стороны, строго внушено ненароком не обидеть принца, с другой, – знакомство со своим будущим королем могло впоследствии дать ребенку неплохое продвижение по службе. Так что этого тоже не следовало сбрасывать со счетов. Добавьте к сказанному тот факт, что сразу же после рождения Людвиг его дед выселил из окрестных деревень почти всех фермеров, перекупив их земли и передав в ренту семьям, члены которых в разные времена были посвящены в рыцари ордена Святого Георгия и доказали свою преданность на деле.

В этих прогулках мальчиков нередко сопровождал сын дворцового конюха Альберт, который был на два года старше наследника.

Однажды, это произошло, когда Людвигу исполнилось одиннадцать, на ферму Хорс, что располагалась недалеко от деревни, на лето приехали двое близнецов. Озорные и грубые мальчишки, которые сразу же сплотили вокруг себя настоящую шайку, состоявшую из деревенских мальчишек. Все вместе они совершали набеги на фруктовые сады соседей, стреляли зажженными стрелами и даже как-то ради потехи пробрались на скотный двор господина Шнейдера, где преспокойно дремали в лужах три жирные свиньи, и, оседлав их, погнали вон из деревни.

Насилу почтенный фермер отыскал затем свою скотину, а один из наездников свалился в канаву и сломал себе ногу.

Узнав о неприятностях, приносимых деревне шайкой, юный принц решил, что его долг защитить своих людей. Поэтому он смело отправился на переговоры с предводителями разбойников. Привыкший, что деревенские ребятишки никогда не пытаются ссориться с ним, а скромно снимая шапочки, слушают, что им хочет сказать мальчик из Хохеншвангау, Людвиг не мог даже вообразить, что вдруг оба брата близнеца набросятся на него и начнут мутузить что есть силы.

Людвиг упал на землю, но даже тогда против всяких правил о поединках оба противника продолжали бить его ногами и руками. На помощь брату поспешил Отто, но какое там – близнецы были крепче Виттельсбахов, кроме того, за их недолгую жизнь им удалось провести десятки подобных боев, отчего их действия носили достаточно сплоченный характер.

Поняв, что пощады не будет, Людвиг и сам пустил в ход кулаки, не думая о правилах, а стараясь достать своих врагов как можно сильнее. Возможно, он победил бы, так как был силен и постоянно тренировался, но на помощь близнецам прибежали мальчишки собранной ими шайки.

В результате, образовалась куча мала. Все били друг друга, катаясь в пыли и разрывая одежду. Наконец Людвиг сумел подняться на ноги и схватить лежавшую у дороги ветку дерева, которой он начал размахивать, так, словно делал упражнение со штыком. В считанные секунды ощутившие на собственной шкуре, что против дубины их кулаки – ничтожное оружие, деревенские ребята поднялись и с ревом убежали прочь.

Поняв, что Отто ничего не угрожает, Людвиг велел ему бежать домой, прикрывая отступление и продолжая охаживать не испугавшихся близнецов палкой. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы на крики и шум драки к месту побоища не прибежал Альберт.

Увидев, что к принцу на подмогу пришли свежие силы, близнецы, не сговариваясь, убежали в лес, показывая кулаки и угрожая страшными карами побившим их Виттельсбахам.

Альберт отвел братьев на озеро, где помог им умыться и почистить одежду. Отто плакал, его левый глаз совершенно заплыл, локоть саднило, колени были разодраны. Людвиг потирал синяк на скуле, кроме того, у него был выдран клочок волос, и все его тело было в синяках и царапинах.

– Это нельзя так оставлять. Я пожалуюсь отцу, и он выбросит и фермера, и его ужасных мальчишек с нашей земли! – задыхаясь от гнева, процедил сквозь зубы Людвиг. – Как посмели они поднять руку на мою особу?!

– Теперь нас ни за что не отпустят обратно в деревню, – выл Отто.

– Ерунда, Ваши высочества, – Альберт отряхнул курточку Людвиг и с поклоном подал ее принцу. – Старина Альберт сумеет наказать этих разбойников так, как и следует наказать бунтовщиков и бандитов. Так, как карали преступников во времена благородного рыцарства. Выгнать с земли – это пустое дело. Отсюда выгонишь, где-то осядут. Другое дело – загнать их под землю, чтобы они оттуда уже не могли выбраться.

– Точно. Закопать по самую шею! – восторженно сверкая не заплывшим глазом на Альберта, предложил Отто.

– Как казнили разбойников? Четвертовали, отрубали головы, вешали... – Людвиг задумался.

– Отрубать головы и четвертовать – это для знати. Не хотите же вы, сир, сказать, что дети фермера могут претендовать на дворянскую казнь?! Ни в коем случае. Я повешу их сегодня же ночью в лесу. И приглашу вас и вашего братца полюбоваться на это.

– Клянусь честью, это будет замечательное зрелище! – воскликнул Отто, с обожанием глядя на словно ставшего выше ростом и заметно похорошевшего Альберта.

– Да будет так, – Людвиг побледнел, его кулаки сжались, как перед боем, на висках набухли вены. – Я, наследный принц Баварии Людвиг Второй, приказываю тебе, Альберт Ищинбах, сын второго конюха, казнить близнецов с фермы Хорс через повешение. Сего года пятого июля. Подпись: Людвиг.

После чего, заложив руки за спину, кронпринц развернулся на каблуках и, не глядя больше на обескураженно примолкших мальчиков, пошел в сторону замка.

Высокий лебединый край

Название замка Хохеншвангау переводится как Высокий лебединый край. Два прекрасных зеркальных озера лежат пред замком, точно зеркала пред знатной дамой или два щита перед рыцарем, который все не может выбрать, каким из них воспользоваться. Имена этих озер – Шванзее (Лебединое озеро) и Альпензее (Альпийское озеро). Высокие горы, подобно природной крепостной стене, охраняли замок с юга, в то время как с севера на защиту его вставали некогда непроходимые леса.

Когда-то в незапамятные времена кто-то из предков Людвиг был так очарован прекрасным и защищенным самой природой местом, что приказал возвести на этом месте замок Хохеншвангау.

С того дня люди узнали первых лебединых рыцарей – рыцарей озера Швангау. О них можно прочесть и сейчас в «Хайдельбергской книге песен», а значит, их имена, блестящие подвиги и святая жизнь будут известны в веках. История хранит имя первого из лебединых рыцарей – благородного Хильтпольда Швангау из Хохеншвангау, чьи подвиги прекрасны, как посвященные ему стихи.

Когда-то в Хохеншвангау жил последний Штауфен, принц Конрадин, которому в 1268 году отрубили голову в Неаполе, когда тому едва исполнилось шестнадцать лет.

В XVI веке шванриттеры, или лебединые рыцари, покинули Хохеншвангау. После этого замок начал ветшать и разрушаться, точно вместе с лебедиными рыцарями его стены оставила сама надежда.

За семнадцать лет до рождения наследника замок Хохеншвангау приобрел Максимилиан Второй, которому пришлось буквально отстраивать его заново. Деньги на это выделил его отец – король Людвиг Первый, которому нравилось не столько удобное расположение замка, сколько связанная с ним легенда о баварском Лоэнгрине, рыцаре Лебеда, который проживал в Хохеншвангау. И о благородных и прекрасных временах прошлого, к которому король тянулся со страстью искателя Священного Грааля.

Согласно множеству источников в Хохеншвангау проживали и гостили блестящие рыцари, был свой двор любви, и во все времена замок славился великолепными трубадурами и миннезингерами. Сам бард Тангейзер⁷ гостил в Хохеншвангау во время возвращения из своего паломничества в Рим.

Но даже это было еще не все. Хохеншвангау стоял в предгорьях Альп, подобно стражу, охраняющему дорогу в крепость Монсальват, или Монсегюр, что означает Гора Спасения, где, согласно преданию, хранили Священный Грааль девять по девять дев Грааля во главе с Эсклармондой де Фуа и помогающей ей Репанс де Шой. Где нашел свой приют и исполнил свою миссию благословенный рыцарь Парсифаль, отец Лоэнгрин.

Дающая бессмертие и спасение души чаша Грааль была с Христом и его учениками во время Тайной Вечери, и потом после смерти Иисуса на кресте Иосиф Аримафейский взял чашу и собрал в нее пролившуюся кровь. Именно эту реликвию спасла в свое время Мария Магдалина, спрятав ее в Лангедоке, чтобы затем она могла занять свое место на каменном алтаре в подземной церкви Монсегюра.

⁷ **Тангейзер** (Tannhäuser, средневерхненемецкий Tannhuser) (около 1205, Зальцбург или близ Неймаркта, Бавария, – 1270), немецкий поэт-миннезингер. В 1228 – 29 участвовал в крестовом походе. Много странствовал. Автор танцевальных песен для придворной знати и поселян, любовных пародий и поучений. Оказал воздействие на творчество немецких средневековых куртуазных поэтов, на немецких романтиков 19 в. (Новалис, Л. Тик, Э. Т. А. Гофман и др.). Т. – герой оперы Р. Вагнера «Тангейзер» (1845). В 14 в. возникла легенда о пребывании Т. в волшебном гроте древнегерманской богини Хольды (другой вариант Венеры) близ Эйзенаха.

Крепость Монсальват существовала одновременно в двух измерениях, как это объяснял внукам бывший король и магистр ордена Святого Георгия Людвиг Первый, развалины ее по сей день можно найти во французских Альпах, в то время как подлинное царство Грааля находится на небесах.

Там правит славный и бессмертный король Парсифаль и его вечно юный сын – рыцарь Грааля и рыцарь Лебеда Лоэнгрин.

Сейчас реальный Грааль вознесся на небо, послужив основой для создания нового царства небесного – царства Грааля, куда могут попасть только чистые сердцем и благородные духом истинные рыцари. Должно быть, именно туда и отправились в свое время лебединые рыцари замка Хохеншвангау, чтобы охранять реликвию, пополнив собой Божье воинство.

Лоэнгрин

Согласно легенде, которую в этих местах почитали за реально существующий факт, в стародавние времена царство людей называлось Антверпен и разделялось на две великие державы – герцогство Брабан и Германию, которые хоть и хотели жить в мире, но почему-то это у них плохо получалось.

Когда в Брабане умер правитель, он завещал заботу о своих еще не достигших совершеннолетия детях – дочери Эльзе и сыне Готфриде – Фридриху фон Тельрамунду, женой которого была колдунья Ортруда. Тельрамунд сделался регентом и на правах временного правителя держал власть в Брабане.

Все было бы хорошо, но в один неладный день исчез Готфрид. Напрасно слуги и стража искали повсюду мальчика, он как в воду канул.

Тогда Ортруда нашептала своему мужу, что для того, чтобы отыскать виновного, следует прежде всего разобраться, кому было выгодно исчезновение мужского наследника славного Брабана? Кому как не его старшей сестре, права на престол которой делались шаткими, так как, несмотря на то что она родилась первой, власть в стране обычно доставалась мужскому наследнику.

Тельрамунд поверил в доводы супруги и созвал суд, на который вызвал Эльзу. Когда она явилась и скромно заняла свое место, возложив руку на Библию, все поняли, что такая красивая, милая и нежная девушка, больше похожая на ангела, нежели на реального человека из плоти и крови, просто не может быть коварной убийцей.

Тем не менее, для того чтобы решить, виновна ли Эльза, по закону страны следовало устроить поединок между обвинением и обвиняемой стороной. На стороне обвинения стоит король Германии Фридрих Птицелов, на стороне бедной Эльзы никого.

После того как судья бросил третий клич рыцаря защитника, все увидели, что на речной глади озера появился лебедь, на шее которого поблескивала золотая цепь. Чудесный лебедь был запряжен в лодку, на которой стоял во весь рост такой прекрасный рыцарь, какого в Брабане от роду не видели. Рыцарь подошел к Эльзе и предложил ей свою помощь в обмен на два условия: первое – она должна стать его женой и второе – она не должна никогда спрашивать его имя. С восторгом Эльза приняла предложение столь прекрасного рыцаря, и поединок начался.

Кони сорвались с мест и полетели навстречу друг друга, и при первой же сшибке Лоэнгрин выбил Фридриха из седла, после чего опустился перед ним с обнаженным мечом, требуя либо признать себя побежденным, а Эльзу невиновной в приписанном ей злодеянии, либо умереть.

Фридрих выбрал жизнь. После чего Лоэнгрин повелел ему убраться обратно в Германию. Затем он женился на Эльзе и приказал отправить в ссылку обоих ее опекунов, которые не только не уследили за маленьким Готфридом, но и выдвинули обвинение против Эльзы. По доброте душевной он разрешил им только побыть на свадьбе, с тем чтобы на следующий день они убрались из Брабана.

Не желая так легко сдаваться, Ортруда плела интриги против появившегося так некстати рыцаря. Она начала переговоры с Фридрихом, убеждая его, что тот был побежден не силой благородного оружия, а властью черного колдовства. Так как не назвавший себя рыцарь является не кем иным, как злым колдуном, желающим погубить все и вся. Потом она отправилась к Эльзе и, умывая ее и украшая перед первой брачной ночью, попросила узнать имя мужа, для того чтобы отвести от него страшное подозрение, пришедшее на ум Фридриху Птицелову и всем честным людям герцогства. Она так запугала доверчивую девушку рас-

сказами о том, что и ей и ее мужу будет грозить страшная беда, если рыцарь не скажет, как его зовут, что Эльза поверила ей и пообещала выяснить правду.

Перед тем как отправиться в изгнание, Тельрамунд публично обвинил Лоэнгрин в общении с нечистой силой, призвав народ сжечь проклятого колдуна, на руках которого, скорее всего, еще и кровь несчастного Готфрида.

Полная смятений и страхов Эльза ждала мужа в супружеской спальне. Когда он появился, Эльза бросилась к нему, умоляя открыть ей свое имя и откуда он родом. Но в тот момент, когда Лоэнгрин готов был сдаться прекрасной Эльзе, в их спальню ворвался Фридрих со своими рыцарями. Чудом Лоэнгрин успел поднять свой меч и зарубить их всех.

Враги повержены, но Лоэнгрин понял, что их с Эльзой любовь уже не столь чиста и небесна, как была. А их брачное ложе залито кровью мятежников и врагов, сама Эльза не верит Лоэнгрину, как верила вначале.

Любовь не требует никаких доказательств, любящий просто любит, не спрашивая имя того, кого он любит и откуда он, не верит глупым домыслам и клевете.

Поэтому Лоэнгрин решает вернуться в заоблачное царство Грааля. Перед разлукой он во всеуслышание называет свое имя и имя своего благородного родителя. Рассказывает, откуда он прибыл.

Тем временем на глади озера вновь появился прекрасный, запряженный в лодку лебедь. Лоэнгрин садится в лодку и уплывает прочь. Эльза и весь народ провожают прекрасного рыцаря, так и не ставшего их благородным сеньором.

Дождавшись, когда лодка Лоэнгрин исчезла за горизонтом, Ортруда призналась, что заколдовала юного принца, превратив его в лебедя.

Из лебедя обратно в человека его мог расколдовать только подлинный рыцарь Грааля, но Лоэнгрин уже далеко, и он никогда не вернется, оскорбленный оказанным ему в царстве людей приемом.

В этот момент произошло чудо. Перед Эльзой вновь появился прекрасный лебедь, который на ее глазах превратился в мальчика Готфрида.

С этого дня Эльза и Готфрид правили вместе, храня как святыню память о рыцаре Грааля – благородном принце Лоэнгрине из заоблачного царства.

Казнь у лебединого озера

Людвиг заснул за чтением любимой книги легенд, а когда проснулся, за окном начало темнеть. Рядом с ним стоял Альберт. Должно быть, он уже давно находился здесь, пытаясь добудиться юного принца.

Людвиг поднял на него вопросительный взгляд. Альберт чинно поклонился, показывая знаками, что Людвиг должен идти за ним.

– Куда мы? – на всякий случай шепотом поинтересовался принц. – Фрау Зольдерикс может прийти с минуты на минуту. Зольдерикс совмещала в замке роли классной дамы на уроках истории и гувернантки у маленького Отто. Кроме того, она всегда приходила вечером прощаться с обоими мальчиками, а утром здоровалась.

– Ничего, как–нибудь успеем. Но вы должны это видеть. И Его высочество тоже. Он уже ждет нас в парке у леса, так что нам лучше поспешить, если вы хотите успеть к вечерней молитве.

Мальчики прибавили шаг, чуть не столкнувшись в дверях со стариком садовником, который низко поклонился Людвигу при встрече.

– Куда мы идем? – поинтересовался принц, рассеянно оглядываясь на старика.

– Наш будущий король должен поглядеть на то, как его подданный исполняет его волю, – Альберт спрыгнул с крыльца, не забыв подать руку Людвигу, но тот не воспользовался помощью. Еще чего не хватало, чтобы потом сын второго конюха начал рассказывать всем, что наследник престола не умеет прыгать и ведет себя как девчонка.

Людвиг молчал, обдумывая, что хотел сказать Альберт. О каком приказе и о каком подданном идет речь. Они быстро пробежали по аллейке парка и оказались на границе с лесом, где их поджидал, спокойно сидя на большом плоском камне, Отто.

Все вместе они ринулись в лес. Людвиг спешил, так как, с одной стороны, боялся показаться трусом в глазах Альберта, а с другой, – не собирался злить лишний раз фрау Зольдерикс, которая и так сетовала на него с братом за синяки и ссадины, полученные в стычке с шайкой близнецов.

Оглянувшись, Людвиг сумел определить, что Альберт ведет их прямехонько к ферме Хорс, и у него похолодело внутри. Неужели Альберт – проклятый предатель, вознамерившийся сдать его и брата врагам. Людвиг тревожно посмотрел на Отто, понимая, что малыш думает о том же.

«Не ходить!» – мелькнуло в голове Людвигу, и тут же он упрекнул себя за трусость. Да, сын второго конюха мог оказаться иудой, но он – Людвиг Виттельсбах не может быть трусом. Он никогда не струсит, ни за что не отступит, не изменит раз и навсегда избранной цели. Он закусил губу, продолжая послушно следовать за Альбертом.

Вдруг сын второго конюха остановился и, велев мальчикам присесть, пополз вперед, делая знаки, чтобы те не поднимали шума. Людвиг посмотрел на Отто. Младший братик старался даже не дышать. Набрав в рот воздух, он застыл на несколько мгновений, после чего его лицо покраснело и Отто был вынужден с шумом выпустить воздух. В другой момент Людвиг, возможно, посмеялся бы над оплошностью брата, но теперь ему было не до смеха.

В этот момент раздался тихий свист, и из-за кустов показался Альберт.

– Прошу вас, господа, ваше приказание насчет разбойников выполнено, – Альберт с достоинством поклонился принцам, показывая, что дальше они должны идти сами.

Не зная, что и подумать, Людвиг выступил первым, прикрывая собой Отто. С деланным достоинством и хладнокровием он прошел несколько шагов до куста орешника и, обойдя его, был вынужден закричать, от страха застыв на месте.

То, что увидел юный принц, могло бы поразить и взрослого. Сразу же за раскидистым орешником открывалась небольшая круглая поляна с двумя соснами на ней. Обычно на эти сосны, как на естественные столбы, фермер вешал гамак, в котором любила полеживать вечером его жена. Но сегодня на соснах висели избившие принцев близнецы. Людвиг узнал их по одежде и ярким рыжим шевелюрам.

– Я повесил их согласно полученному от вас, мой принц, приказу. Я казнил разбойников, нарушивших покой в принадлежащей замку деревне и оскорбивших действием ваших высочеств.

От страха ноги Отто подкосились, и он сел на землю. Людвиг вглядывался в тела повешенных, не в силах вымолвить ни единого слова. Вдруг представилось, что Альберт – коварный убийца, который не пожелает оставлять их с братом в живых. Шутка ли сказать, ведь они знали, что ужасное преступление совершил именно он, а значит, могут заявить о случившемся в полицию. С другой стороны, Альберт был человеком, исполнившим свой долг по отношению к будущему монарху. И это также нельзя было сбрасывать со счетов.

Людвиг вспомнил, что отец часто говорил ему, что многие из работавших в замке слуг до фанатизма преданы их семье. А значит, любой, пусть даже самый глупый приказ, высказанный наследником престола, для таких людей может означать лишь одно – они обязаны начать действовать. Если дело обстоит таким образом, значит, Альберт не палач, а жертва. И единственный истинный виновник тут сам Людвиг, давший необдуманый приказ.

Принц хотел уже объяснить все это Альберту, с тем чтобы испросить у него прощение, и затем постараться спрятать его от полиции, но в этот момент произошло самое страшное: один из повешенных протянул к Людвигу руку так, словно хотел схватить мальчика за горло. В тот же момент зашевелился другой повешенный. Они извивались, точно черви на лесе, шипя и извергая хулы.

Отто заорал, Людвиг заорал вслед за братом. Потом они бежали. Бежали так, словно по пятам их преследовали жаждущие крови вурдалаки вместе с упырями и волками-оборотнями.

Братья остановились, только влетев в замок и поднявшись в комнату Людвига.

– Ты думаешь, они ожили? Это он, Альберт, подшутил над нами. Я сам слышал, как его отец на прошлой неделе рассказывал, как можно фальшиво повесить человека, чтобы потом он напугал всех. Нужно закрепить ремень в подмышках, потом подвесить человека за этот ремень, а на шею надеть петлю, которая не будит его душить. Какие же мы с тобой глупые, – Отто старался отдышаться. – А я еще и бежал, – он засмеялся. – Чертов Альберт, так нас надуть. А ведь, получается, что они, ну близнецы и он, заодно.

Людвиг думал. Было обидно, что собственный слуга столь жестоко посмеялся над ним. Людвиг опустился на изразцовый пол, чувствуя его приятную прохладу. За окном садилось солнце, его рыжие лучи прочертили на стене широкую полосу.

– Я думаю, что мне следует отметить Альберта в приказе, – спокойным голосом произнес Людвиг.

– Этого предателя, который связался с нашими врагами и чуть не убил нас?

– Альберт действовал по моему приказу, а я должен был покарать разбойников, – четко произнес Людвиг. – Казнь через повешение. Преступники были казнены. И ты сам видел их тела. То, что потом они вдруг ожили, так этому есть понятное объяснение. При жизни они были плохими людьми, поэтому Господь не принимает их к себе на небо. Возможно, они будут упырями, которые станут охотиться за людьми. Если на то будет воля Господа, то в скором времени мы отправимся истреблять этих слуг сатаны в составе рыцарей ордена Святого Георгия.

Людвиг поднялся и, снисходительно поглядев на брата, вышел из комнаты.

На следующий день он велел собрать прислугу и объявил, что намерен в будущем приблизить к себе отличившегося Альберта и произвести его в офицеры. После чего был дружелюбен и добр с прекрасно понимавшим, что его следовало выпороть на конюшне, а не отличать при всех Альбертом.

Приблизительно через неделю после фальшивого повешения близнецов с фермы Хорс и повышения Альберта до положения личного друга наследника престола в Хохеншвангау приехал бывший король Людвиг Первый, который выслушал объяснения обоих внуков и принял меры. Рентный договор с отцом близнецов был спешно прекращен. Что же касается иуды Альберта, то конюх получил ясный приказ выпороть его, придравшись к чему-нибудь не имевшему отношения к существу разбираемого дела.

Призрак собственного замка

Несмотря на то что Людвиг и Отто постоянно играли вместе, они были мало похожи друг на друга. Отто рос веселым и шаловливым мальчуганом с румяными щечками и озорными глазками, в то время как Людвиг больше любил читать или скакать на коне по горным тропам.

Верховая езда – вот, наверное, то единственное, что сплачивало братьев.

Однажды Отто как обычно увязался за Людвигом, когда тот собирался на конную прогулку, это случилось приблизительно через неделю после злополучной «казни у озера». Спеша и боясь, что брат ускачет без него, мальчик не обратил внимание на прохудившийся ремень, на котором держалось седло, и вывалился из него, неудачно ударившись о землю и сломав при этом руку. Пришлось возвращаться с плачущим и молившим добить его братом домой. Но и там беде принца Отто не смогли помочь. Требовалось вмешательство профессоров из Мюнхена. Поэтому замковый доктор и королева в сопровождении небольшой свиты спешно отправились в Мюнхен, телеграфировав по дороге королю о случившемся несчастье и своих дальнейших действиях.

Как ни просился сопровождать брата в столицу Людвиг, это не было ему позволено. И вот теперь он остался полным королем и властелином в своем родовом замке.

Точнее сказать, власть нового короля началась в полночь, когда прислуга и гувернанты видели десятые сны, а стража несла свою службу. Людвиг поднялся и, не одеваясь, как был в одной рубашке, выглянул в коридор. Там было темно. Со стороны большого холла, иногда используемого для танцев и приема гостей, сочился лунный свет. Людвиг живо представил себе, что находится в незнакомом ему замке – в замке рыцаря Грааля Лоэнгринна или его отца Парсифаля. Увлеченный игрой кронпринц шел, касаясь рукой стены, которая вдруг сделалась незнакомой на ощупь.

Слушая ночные звуки, он добрался до окна в гостиной, посидел на широком подоконнике, слушая прилетевшего под окно соловья, потом отправился в зал Рыцаря Лебеда. Через широкие окна лунные потоки света лились, подобно прозрачным покровам небесных дев.

Людвиг двигался вдоль картин, красиво поворачиваясь в ритме игравшей лишь для него одной призрачной скрипки. Он танцевал перед портретами предков, воспринимая теплоту ночи и радуясь этим новым ощущениям.

Потом замок Лоэнгринна вдруг вернул себе более привычные очертания Хохеншвангау, но сам Людвиг теперь сделался призраком в замке, случайно забредшим сюда горным духом.

Всю ночь напролет наследник престола путешествовал по замку и наутро заснул с блаженной улыбкой, едва донеся свое уставшее тело до постели.

На следующую ночь повторилось то же самое. Людвиг изучал ночной замок, спускаясь и поднимаясь по лестницам и открывая одну за другой двери служанок и придворных дам. Несколько раз он подкрадывался к комнате стражи, где подслушивал не интересные ему разговоры, рассчитывая узнать через них тайну высшего бытия и божественного порядка вещей. К утру он вернулся в свою комнату, после чего его еле добудились.

Третью ночь счастливый своей безнаказанностью Людвиг начал переключать с места на места вещи прислуги, для того чтобы потом днем послушать, как отнеслись к его невинным шалостям. На стол одной из придворных дам, француженки, впервые рассказавшей кронпринцу о Людовике Четырнадцатом и заставившей полюбить его абсолютной любовью, Людвиг положил белую розу, заранее сорванную в саду.

Целую неделю во время отсутствия матери и брата Людвиг был ночным властелином Хохеншвангау и властелином мира. Его ночные странствия были обнаружены чисто случайно отправившимся на ночное свидание к камеристке королевы стражником. После чего

комендант замка пригласил к Людвигу врача из соседнего замка Берг, который должен был сделать полный медицинский осмотр кронпринцу и вынести свой диагноз, позволивший посадить шалуна под домашний арест и закормить его в назидание пилюлями.

Какого же было удивление врача, когда Людвиг вдруг встал перед ним в величественную позу, коей он научился у портрета короля Людовика Четырнадцатого – Короля Солнца, заявив, что никто не имеет права без особого на то разрешения дотронуться до особы королевской крови, коей, без сомнения, является наследник престола!

Не знаящий, как поступить в таком случае, доктор спасовал, и Людвиг, воспользовавшись замешательством противника, сообщил, что за слушание того ждет смертная казнь. Добрый старый доктор, конечно, с удовольствием отшлепал бы зазнавшегося мальчишку, из-за которого он не мог исполнить своего долга, но с другой стороны, посулы юного наследника Баварии показались ему не столько фантастичными, сколько реальными. Поэтому он решил никуда не спешить и отправил телеграмму в Мюнхен, описав Максимилиану Второму положение дел и испрашивая письменного разрешения на осмотр кронпринца.

За то время, пока шла переписка и из Мюнхена не пришел приказ за подписью короля и скрепленный его личной печатью, Людвиг как следует выспался и предстал для осмотра уже будучи здоровым и примерно отдохнувшим, так что его было просто невозможно посадить под домашний арест как больного ребенка.

Тем не менее доктор надолго запомнил, каким невероятным, почти что божественным огнем запылали вдруг глаза юного кронпринца, когда тот запретил дотрагиваться до него под угрозой смертной казни.

Дорога на Мюнхен

Людвигу было шестнадцать лет, когда дед пригласил обоих внуков с их матерью в Мюнхен на премьеру оперы Вагнера⁸ «Лоэнгрин». Королевское семейство и раньше частенько выбиралось в театр, который оба брата обожали, считая за счастье увидеть новый или полюбившийся спектакль, послушать гастролеров.

Из Хохеншвангау они выбрались за день, чтобы успеть отдохнуть во дворце Людвига Первого или в королевской резиденции, если на то будет воля короля. Максимилиан по-прежнему не баловал вниманием жену и детей, так что его хоть и поставили в известность, но никто особо ни на что не рассчитывал.

Февраль выдался холодным, но братья в один голос уверяли королеву–мать, что небольшой морозец для них не страшен, и если Ее величество соблаговолит надеть на себя теплую шубу и положить к ногам грелку, то всю дорогу ей будет казаться, что за окнами жаркое лето или, по крайней мере, весна.

Оба молодых человека намеревались прибыть в столицу на конях, в чем им решительно было отказано. В планы короля Максимилиана не входило представление своих сыновей народу, а значит, и в театр семья Виттельсбахов должна была прибыть инкогнито. В одной коляске или в одной машине, не называя своих настоящих имен и не останавливаясь в гостиницах, где могли спросить их документы.

Вся эта секретность угнетала наследника престола, который жаждал почестей и славы. Он мечтал, как в один из дней предстанет перед своим народом и добьется его любви. О, он хотел служить своему народу, сделав его жизнь прекрасной и удивительной. Людвиг мечтал подарить своим подданным все самое лучшее, что только может дать им король. Лучшие законы, самые гуманные и благородные, основанные на уставах рыцарских орденов, которые он любил перечитывать. Школы для детей, новые церкви во славу Божью, театры, музеи, библиотеки.

Не зная и не имея возможности лучше узнать нравы своих будущих подданных, Людвиг хотел одарить свой народ тем, что было дорого ему самому, наивно полагая, что, поделившись самым драгоценным, он сумеет угодить всем, сделавшись благословением для страны.

Вместе с матерью и братом они сели в коляску, накрыв колени теплым одеялом, и двинулись в путь. Людвиг смотрел на заснеженные леса и поля. На снеговые шапки гор, представляя, что где-то там за горными пиками и облаками можно разглядеть небесную страну Святого Грааля, которой он грезил днем и ночью.

– А ты знаешь, мой дорогой, – голос матери неожиданно вывел его из задумчивого состояния, – в газетах сообщали, что Рихард Вагнер написал либретто «Лоэнгрин» в тот год и в тот день, что родился ты. Не правда ли – странно... В тот год на наше озеро впервые за много лет вдруг прилетели лебеди, отчего я невольно назвала этот год Лебяжьим.

– В день моего рождения?! – Людвиг удивленно воззрился на мать. – Вы уверены в этом?

– Газеты писали, – королева потянулась к сыну и поправила его прекрасные черные вьющиеся волосы. Удивительной красоты был ее старший сын – принц из сказки, о котором она мечтала, еще будучи маленькой девочкой. Черные пышные волосы, которые можно было не завивать, потому что они и так лежали красивыми блестящими локонами, и голу-

⁸ **Вильгельм Рихард Вагнер** (нем. *Wilhelm Richard Wagner* [##içã#t #va#n#]; 22 мая 1813, Лейпциг – 13 февраля 1883, Венеция) – немецкий композитор, дирижёр, драматург (автор либретто своих опер), философ. Крупнейший реформатор оперной музыки. Оказал значительное влияние на европейскую культуру рубежа веков, особенно на модернизм и декадентство.

бые холодные, словно две льдины, глаза. Светлое чистое лицо принца было без веснушек или родимых пятен. Несмотря на подростковый возраст на нем не было ни единого прыща. Людвиг был прекрасно сложен – высокий и стройный, с широкими плечами и ровной прямой спиной. Казалось, в нем не было ни единого даже самого крошечного недостатка. Он был совершенным, и это совершенство почему-то страшило королеву Марию Прусскую в замужестве Виттельсбах.

«Он так нереально прекрасен, что ему не жить в этом мире, – с грустью думала королева. – Мир не любит совершенства, идеальная красота обманчива и несет в себе горе и разочарование. Какую же каверзу припасла судьба для моего прекрасного ребенка? Судьбу обожаемого им Лоэнгрин, который не задержался в этом мире даже для того, чтобы жить с любимой девушкой, чтобы управлять герцогством. Нет, Лоэнгрин вознесся в страну Грааля, а мой сын сделается королем Баварии, чего бы мне это не стоило. Он красив, благороден, у него чистое сердце и ясный ум – у него будет все: и любовь, и деньги, и слава. Пусть хотя бы он будет счастлив».

– Матушка, что-нибудь не так? – обеспокоенный долгим молчанием королевы Людвиг поцеловал ее руку.

– Все прекрасно, дорогой мой. Все просто прекрасно. Я думаю о сегодняшней опере, о Лоэнгрине и о тебе.

– Не правда ли, мамам, Людвиг похож на Лоэнгрин? – встрял в разговор молчавший до этого Отто.

– К сожалению, да, – вздохнула королева.

– Отчего же к сожалению? – поднял красивые брови Людвиг.

– Оттого, что мир не принял рыцаря Грааля, принца заоблачной страны, и ему пришлось возвращаться к себе на небо, – пояснила мать. Ей не нравился разговор.

– А разве не к этому учит стремиться церковь? Разве наша цель не возвращение в прекрасный Эдем? В страну Грааля? – Людвиг встряхнул прекрасными кудрями и посмотрел на серое небо.

– Все так, дитя мое. Но лучше чтобы это произошло попозже, после того как ты проживешь долгую и интересную жизнь. Продлишь наш род, оставив после себя сильных и здоровых детей, которые унаследуют престол и продолжат начатое тобой дело.

– Мое дело? – Людвиг казался застигнутым врасплох. – Значит, у меня должно быть свое дело. Моя миссия, которую я должен выполнить и завещать своим детям... Но что это за миссия? Что это за дело?

– Когда-нибудь ты сам ответишь на свои вопросы, – королева улыбнулась, обнимая сразу двух своих сыновей. Ей было приятно, что разговор удался – таки повернуть на более приятную тему. Кроме того, она понимала, что с этими вопросами ее старший сын отправится ни к кому другому, как к деду. А тот уже давно ищет удобного случая, для того чтобы посвятить внука в рыцари и частично раскрыть перед ним древнее предсказание.

Ведь именно он – великий магистр уже давно исподволь старается внушить Людвигу страсть к прекрасному. Людвиг вырос в Высоком лебедином краю в окружении древних легенд, лесов и гор, которые до сих пор помнят рыцарские времена, пропитанные сказаниями о подвигах и славе.

По приказу Людвиг Первого лучшие художники Мюнхена заново расписывали замок. Сам великий Морис фон Швинд⁹, о котором говорили, что он «Шуберт в живописи», тру-

⁹ Швинд Мориц фон Швинд (Schwind) Мориц фон (21. 1. 1804, Вена, # 8. 2. 1871, Мюнхен), живописец и график, представитель позднего романтизма в немецком и австрийском искусстве 19 в. Учился в венской (с 1821) и мюнхенской (с 1828, у П. фон Корнелиуса) АХ; с 1847 работал главным образом в Мюнхене. Жанровые картины Ш. («Свадебное путешествие», 1862), циклы картин и больших акварелей («Прекрасная Мелузина», 1868#70, Галерея 19 и 20 вв., Вена), многочисленные росписи и иллюстрации проникнуты мотивами нар. сказок и легенд, идиличны по настроению, но не лишены

дился в Хохеншвангау. Кристиан Рубен¹⁰, Михаэль Неер, Лоренц Куаглио¹¹ и другие, чьи имена королева давно позабыла и на чьи творения продолжала любоваться, испытывая всякий раз ощущение чуда.

Больше всего в замке маленький Людвиг любил находиться в зале Рыцаря Лебедя Лоэнгринна, любимого героя принца. Там было создано настоящее царство лебедей. Прекрасные белые птицы были не только на картинах и в произведениях настенной живописи. Ручки дверей были сделаны в виде красиво выгнутых лебединых шей, изящную столешницу поддерживали лебеди. Любой предмет в этом зале был так или иначе посвящен Лоэнгрину. Лоэнгрину, на которого был так похож Людвиг...

оттенка академизма.

¹⁰ **Христиан Рубен** (нем. *Christian Ruben*; 29 или 30 ноября 1805, Трир – 9 июля 1875, Инцесдорф, ныне в черте Вены) – немецкий художник.

¹¹ В зале Лебединого рыцаря **Кристиан Рубен, Михаэль Неер и Лоренц Куаглио** создали росписи, посвященные Лоэнгрину.

Начало пути

Дворец, в котором последние годы размещалась резиденция бывшего короля Людвига Первого, был более похож на добротный, ухоженный, но без новомодных излишеств дом. Кряжистый и широкий в боках, он напоминал сидящего на скамейке зажиточного бюргера и больше подошел бы фермеру или зажиточному ремесленнику, но только не королю и магистру ордена.

Тем не менее бывший король очень гордился своим старым домом, который, по его словам, еще должен был дать фору многим современным постройкам, а возможно, и пережить некоторые старые замки, если, конечно, их владельцы не будут ухаживать за ними надлежащим образом.

Раньше вместе с дедом в Мюнхене жила и бабушка – экс-королева Баварии Тереза Саксен-Альтенбургская¹². Людвиг помнил вечно одетую в темные платья с глухими воротами и смешные старомодные чепцы бабушку Терезу. Маленькому Людвигу и в голову не могло прийти, что эта морщинистая и больше похожая на фарфоровую куклу, нежели на грозную королеву, женщина могла когда-то носить на своей голове корону.

Бабушка обожала заводные игрушки и механизмы. Получив как-то в подарок от короля Максимилиана новейший телескоп, старушка тут же подобрала юбки и, кликнув служанку, посеменила к лестнице на крышу. В считанные минуты прислуга оборудовала для экс-королевы замечательный наблюдательный пункт, где она и просиживала с той поры по полночи, пока дождь или ворчание мужа не выгоняли ее из звездной обители.

Воспитанная в строгой семье, бабушка Тереза в детстве не имела своих кукол, так как ее отец считал, что малышке, с ранних лет просватанной за Людвига Виттельсбаха, не подобает тратить время на подобные не королевские занятия. Зато теперь бабушка Тереза баловала себя куклами, умеющими открывать и закрывать глазки; танцующими для нее менуэт; украшающими часы в виде замка; куклами-рыцарями, дерущимися на мечах.

В коллекции бабушки Терезы было множество дорогих и самых дешевых кукол и механизмов, которые она обожала. Но настоящую страсть ее вызывали музыкальные шкатулки, сделанные из красного дерева обязательно господином Райтом из лавки «Райт и сыновья». Поэтому король взял себе за правило дарить ей эти шкатулки на годовщины свадьбы. Так что каждый год 12 октября бабушка Тереза ждала новую шкатулку, загодя подготавливая для нее почетное место в своем модном застекленном шкафу.

Теперь, когда бабушки Терезы не стало, шкатулки и механические куклы живо напоминали внукам о ней.

Потеряв жену, с которой он прожил сорок четыре года, бывший король Людвиг заметно сдал. Он тосковал без семьи, ненавидя сына, выросшего тупым солдафоном, и не имея возможности перебраться в Хохеншвангау поближе к внукам, так как это могло вызвать неудовольствие Максимилиана, а значит, он мог просто запретить старику видеться со своей семьей.

После того как юный Людвиг поступил в Мюнхенский университет, они с дедом стали встречаться чаще. Эти встречи согревали душу старика.

В тот день королева Мария, оба ее сына – старший Людвиг и младший Отто, а также и их дед, бывший король Людвиг Первый, собирались посетить Мюнхенский театр, где давали премьеру «Люэнгина».

Умывшись и переодевшись во фраки, мальчики уже ждали маму и деда, нетерпеливо ерзая в карете. Старик остановился у лестницы, для того чтобы подать руку невестке. Та веж-

¹² Брак зарегистрирован 12.10.1810.

ливо улыбнулась ему. С самого приезда они не имели возможности переброситься и парой слов, в то время как и магистру ордена Святого Георгия, и верному адепту ордена сестре Марии было что сказать друг другу.

– Удалось ли вам немного отдохнуть с дороги, мой друг? – Людвиг Первый склонился перед королевой, чей лоб прорезала горизонтальная полоса, как раз такая, какую обычно может оставить только корона, хотя все знали, что Мария Прусская – королева лишь формально. В то время как король делит постель и власть со своими фаворитами и фаворитками.

– Благодарю вас, я слегка освежилась и прекрасно себя чувствую, – королева Мария слегка присела в реверансе, не глубоко, но и не легкомысленно, что было бы небезопасно на лестнице.

– Людвиг, я полагаю, счастлив тем, что сегодня он, наконец, услышит оперу о своем любимом рыцаре, – король сделал акцент на слове рыцаре, не сводя глаз со лба своей невестки. Время от времени он явственно видел на нем царственный венец. Венец высшей, неземной власти.

– Людвиг обожает все, что связано с рыцарством, с благородством с благородной миссией, ради которой он, возможно, рожден на этот свет. Всю дорогу до Мюнхена мы говорили с ним о его миссии, и он умолял меня открыть ему его предназначение, – Мария улыбнулась. – Какой смешной мальчик.

– Открыть миссию. Свершилось, – одними губами прошептал бывший король.

– Свершилось, – так же тихо подтвердила королева. – Людвигу уже шестнадцать лет, и он хочет знать правду.

В дверях служанка набросила на плечи королевы меховую накидку, аккуратно, чтобы не попортить прическу, водрузила ей на голову капюшон.

– Как вы прекрасны сегодня, дорогое дитя. – король обнял маленькую Марию за плечи, церемонно поцеловав в лоб. При этом он явственно ощутил, как его губы коснулись холодного, невидимого венца, а на губах при этом остался привкус золота.

Лоэнгрин – призрачная вечеря

Не считая Хохеншвангау – высокого лебяжьего края, театр был любимым местом Людвига. Но если замок был домом его и его любимых героев, был местом силы и земного притяжения, где в зале Рыцаря Лебеда Людвиг мог часами просиживать возле статуи Лоэнгрин. Театр был храмом – источником наслаждения и связанной с этим самым наслаждением неземной грусти по красоте, которой не суждено когда-либо появиться в нашем грубом мире. О красоте, которая никогда не спасет мир, потому что несовершенный мир погибнет от стыда за свое безобразие и уродство, коснись его такая сила, как божественная красота.

Людвиг любил красную обивку кресел и богатые бордовые с золотыми кистями занавески на дверях и в ложах. Любил тяжелый занавес мюнхенской оперы и то, как по нему пробегала едва уловимая дрожь.

Но в этот памятный день, 2 февраля 1861 года, Людвиг был поражен до глубины души неповторимой вагнеровской музыкой, которая то вовлекала его в свои пучины, втягивая и поработывая, так что принц терял сам себя, не в силах отличить мир реальности от мира, открывавшегося ему со сцены. Наконец, он перестал сопротивляться, позволяя божественным аккордам пронизывать себя насквозь. Когда опера закончилась, околдованный Людвиг не смог сразу подняться на ноги, настолько сильным оказалось впечатление от музыки.

О том, что великий композитор, в чьем гении Людвиг сразу же уверился, был беден, принцу сообщил его дед, когда на обратном пути они все устроились в экипаже. Услышав ужасное признание, прекрасные глаза принца увлажнились слезами.

– О, почему я не король, почему я не богат?! – шептал он, рассеянно следя за узорами, оставляемыми дождливыми каплями на стекле экипажа. – Я бросил бы все свое золото к ногам этого бога – Вагнера, который открыл мне сейчас целый мир! Я бы приблизил его к себе, окружив заботой и вниманием, с тем чтобы ничто, никакие тяжелые думы или неприятности не помешали ему творить музыку, я бы...

Внезапно он отер слезы и, отвернувшись от окна, встретился взглядом с давно следившим за ним дедом.

– Клянусь и присягаю, что, когда я стану королем Баварии, первое, что я сделаю, я повелю отыскать маэстро Рихарда Вагнера и подарю ему роскошный дворец и театр, который будет только его театром. Я так сделаю, потому что это мой святой долг, я должен сделать все возможное, чтобы на моей родине каждый человек имел возможность слышать эти божественные звуки и приобщаться к высокому!

* * *

В этот же приезд в Мюнхен Людвиг должен был вступить в орден Святого Георгия, сделавшись рыцарем.

Ему было всего шестнадцать лет. Нежный и мечтательный юноша. Несмотря на то что дед обещал, что за ним заедут после завтрака, Людвиг решил поститься сутки. Кроме того, ночь перед посвящением он намеревался провести в молитвах и медитации, которой научил его дед.

Впечатлительный, как все и Виттельсбахи, Людвиг ждал своего часа в дедовой библиотеке, вспоминая сцену за сценой прекрасный спектакль, в его ушах все еще звучала музыка Вагнера, а перед ним лежали либретто опер, которые наследник престола купил для себя в театре.

Начав ночь с молитв, он невольно обратился в своей душе сначала к гению композитора, а затем к рыцарям и королям прошлого, которых и собрал вокруг себя в эту значимую для него ночь.

Выдвинув на середину зала стол и расставив вокруг него стулья, силой своего воображения Людвиг сначала рассортировал на нем великолепные блюда, напитки, украсив все это цветами. В ночь перед своим посвящением в рыцари он желал говорить со своими легендарными предками, которые должны были радоваться вместе с ним.

– Я читал, что в XII веке пфальцграфу Оттону фон Виттельсбаху¹³ Фридрих Барбаросса¹⁴ присвоил титул герцога Баварского, – величаво устроившись на дедовском кресле, изрек Людвиг, окуная свои слова в ночь, от которой он желал получить ответ. Но ночь молчала, поэтому Людвиг продолжил. – Я хотел бы предложить первому герцогу Баварскому Оттону фон Виттельсбаху этот скромный ужин, устраиваемый находящимся на искусе кандидатом, перед тем как тот делается рыцарем.

Юноша закрыл глаза, слушая, как по дорогам сновидения на его зов устремился всадник в кожаных доспехах с металлическими нашивками и в алом, подбитом черным мехом плаще.

– В истории нашего рода я прочел, что в 1422 году Иоганн фон Виттельсбах¹⁵ пригласил в Мюнхен живописца Ван-Эйка¹⁶, так что я благодарен моему предку за этот выбор и великолепному художнику – за выполненную им работу. Поэтому силой, дарованной мне жизнями предков, я вызываю герцога Иоганна фон Виттельсбаха и художника Ван-Эйка. Располагайтесь, господа, – Людвиг вздохнул. Ему нравилась идея пира перед посвящением, и хоть сам он с рассвета не вкусил хлебной крошки и не выпил и глотка воды, он чувствовал во рту вкус изысканных блюд, и его голова кружилась от выпитого шампанского.

– Я бы хотел призвать сюда из бездны или рая моего предка Максимилиана Иосифа Первого¹⁷, который стал первым Баварским королем, получив корону от Наполеона Первого¹⁸, с присоединением к Баварии части Тироля. Я приглашаю моего прадеда Максимилиана Иосифа Первого, не только потому, что начиная с него мои предки носили корону Баварии, которая в один из дней будет возложена и на мою голову, а потому что король Максимилиан Иосиф Первый был страстным любителем живописи и скульптуры, примеру которого хочу следовать и я. Прошу вас, король, почтить присутствием мой скромный ужин. Выражаю почтение и преклонение перед вами. Потому что именно вы, Ваше величество, приобретали прекрасные мраморные статуи и картины для нашей галереи, без которых я не представляю своей жизни.

Я бы желал пригласить сюда и моего деда, магистра ордена Святого Георгия, которого я люблю всей душой и перед которым я предстану завтра на посвящении, но боюсь, что ему будет сложно пировать с нами всю ночь, а затем заниматься обязанностями, возложенными на него орденом. Тем не менее я хотел бы перед всем собранием высказать, как я благодарен

¹³ Оттон I (1117-1183). Сын пфальцграфа Оттона II фон Виттельсбах. Герцог Баварии с 1180. Женат на Агнес фон Луц (? -1191). Умер в 1183 в Пфуллендорфе. Похоронен в Шайерне. Родоначальник фон Виттельсбахов.

¹⁴ **Фридрих I** (конец 1122 (1122), Гогенштауфен – 10 июня 1190, в реке Селиф) – император Священной Римской империи, герцог Швабии как *Фридрих III*.

¹⁵ Иоганн фон Виттельсбах, граф Ноймарк (1383-1443).

¹⁶ **Ян ван Эйк** (нидерл. *Jan van Eyck*, ок. 1385 или 1390 – 1441) – фламандский живописец раннего Возрождения, мастер портрета, автор более 100 композиций на религиозные сюжеты, один из первых художников, освоивших технику живописи масляными красками.

¹⁷ **Максимилиан I** (нем. *Maximilian I. von Bayern*, также **Максимилан I Иосиф**; 27 мая 1756 – 13 октября 1825) – курфюрст Баварии с 16 февраля 1799 по 1 января 1806, король Баварии с 1 января 1806, из династии Виттельсбахов.

¹⁸ **Наполеон I Бонапарт** (итал. *Napoleone Buonaparte*, фр. *Napoléon Bonaparte*, 15 августа 1769, Аяччо, Корсика – 5 мая 1821, Лонгвуд, о. Святой Елены) – император Французов в 1804 – 1815 гг., французский полководец и государственный деятель, заложивший основы современного французского государства.

моему деду за то, что он построил многие великолепные здания, украсившие Мюнхен в греческом и итальянском стилях.

Я не приглашаю на эту вечерю ни моего отца, Максимилиана Второго, ни дядю Оттона, бывшего короля Греции¹⁹, и никого из живущих родственников.

Разместив родственников, Людвиг встретил прибывших в роскошных каретах, на лошадях и прилетевших по воздуху на волшебных повозках, запряженных лебедями любимых героев легенд.

Теперь, когда все гости были в сборе и король заоблачной страны Грааль сел по левую руку от Людвигу, а прекрасная Эльза по правую, Людвиг сбросил с себя маску шестнадцатилетнего подростка, преобразившись в Лоэнгрин.

В эту ночь он был остроумен и очарователен. Он пел и громко декламировал стихи, его прекрасная невеста была образцом изящества и красоты. То и дело Людвиг–Лоэнгрин замечал, как тот или иной рыцарь застывал на месте, пораженный ее красотой, грацией и благородством.

И Людвиг–Лоэнгрин хотел было скрестить шпаги с кем–то из гостей или вызвать на рыцарский поединок любого из желающих оспорить его право жениться на прекрасной владычице Брабана, но вовремя одумался. Его Эльза не могла изменить ему, так как ложь и сомнения были не свойственны ее чистой душе.

Целуя пальчики прекрасной невесты, Людвиг–Лоэнгрин еще раз попросил ее руки и получил восторженное согласие. Принц был готов немедленно отправляться вместе с Эльзой в главный собор внеземного царства Грааля, но старый король Максимилиан Иосиф Первый опередил его, назначив день венчания, которое должно было состояться после рыцарского посвящения и восшествия Людвигу на престол.

Принц и его юная возлюбленная были готовы разрыдаться, ведь никто не знает, когда король Максимилиан Иосиф Второй – отец Людвигу оставит этот мир, освободив трон для старшего сына, а значит, свадьба может оказаться отложенной на многие годы.

Встревоженный подобной перспективой, принц попытался возразить прадеду, умоляя изменить решение и назначить более определенную дату.

На что Максимилиан Иосиф Первый похлопал наследника Баварии по плечу, сообщив, что тот вступит на престол в возрасте восемнадцати с половиной лет, а следовательно, ждать остается чуть больше двух лет.

Поняв, что с предками спорить бесполезно, Людвиг был вынужден смириться, признав, что два года – это, в сущности, не такой огромный срок. И два года он и его прелестная невеста как–нибудь выдержат. На самом деле еще больше, чем появление в библиотеке столь высокого собрания и назначения даты собственной свадьбы с девушкой, которую Людвиг знал лишь по старинным легендам, взволновало его известие о смерти отца.

Правда, прадед не сказал напрямую, что отец умрет, дед Людвигу в свое время отрекся от престола в пользу сына. Но принц прекрасно знал своего отца и понимал, что тот не отречется от престола добровольно, а значит, через два с половиной года отца не станет.

Он хотел было спросить о других своих родственниках, выяснить, как сложится его судьба и когда он встретит Эльзу в жизни, но мысль о смерти короля так захватила его, что Людвиг, сам не ожидая от себя такого, разрыдался.

Он оплакивал отца, которого все еще, несмотря ни на что, любил. Странно, Людвиг и не знал, что любит этого человека. Отца семейства, который изредка наведывался пообщаться со своей семьей и не позволял проявлять мельчайшие движения души. Человека,

¹⁹ **Король Греции Оттон I** (греч. Όθων, Βασιλεύς της Ελλάδος, нем. *Отто*; 1 июня 1815(18150601), Зальцбург – 26 июля 1867) – король Греции в 1833 – 1862 годы. Был вторым сыном Людвигу I Баварского (дом Виттельсбахов). Чрез своего прадеда Иоганна II, герцога Баварского, был потомком византийских династий Комнинов и Ласкаридов.

который боялся как огня того, что жена или дети могут любить его или нуждаться в нем. Человека, который на самом деле остро нуждался в любви и от любви бежал. Людвиг любил его, прощая и отпуская заранее.

Орден Святого Георгия

Когда горизонт посветлел и призрачные гости покинули библиотеку, Людвиг был готов к посвящению, к жизни и к смерти.

За одну ночь он сделался обладателем откровения, которое жгло его сердце, делая юного принца старше.

Он умылся и, не завтракая, дождался в своей комнате присланных за ним дедом господ, имен которых он не знал.

Ожидая, что за ним явятся одетые в традиционные орденские плащи рыцари, Людвиг был несколько разочарован, увидев перед собой двух военных, один из которых был в чине капитана, а другой – лейтенанта. Они сели в каляску деда и тронулись в путь.

По дороге, желая произвести приятное впечатление на принца, его спутники рассказывали анекдоты, над которыми сами же и смеялись. Людвигу было не до смеха. Он отвернулся к окну, пытаясь представить себе, будто скачет на коне или хотя бы находится в королевской карете, везущей его в собор или дворец, занимаемый орденом.

Вскоре экипаж остановился около здания в греческом стиле с колоннами, рядом с которым размещалось кафе «Шоколадница» и табачная лавка. Капитан первым вышел на улицу, поднявшись по ступенькам крыльца, позвонил в дверь. Ему открыли, и вскоре вся компания оказалась в полутемной передней.

Встречающий их швейцар был одет в обыкновенную ливрею, какие часто можно заметить на швейцарах, работающих в богатых домах и даже гостиницах. И снова ничего хоть сколько-нибудь говорящего о том, что здесь собираются рыцари.

Ни лат, ни плащей, знамя с эмблемой Святого Георгия на стене. Люди в вицмундирах, светских фраках. Несколько женщин, одетых по последней моде. Все они стояли какое-то время молча, выжидая какого-то знака. Наконец лакей открыл двери зала, в котором, по всей видимости, и должно было состояться посвящение.

Вошли десять человек. Остальные продолжали чинно стоять, ожидая своей очереди. Не зная, как себя следует вести в подобной ситуации, Людвиг старался делать то же, что делали и остальные. То есть ничего не делал.

На полу стояли две китайские вазы с искусственными цветами в них, от нечего делать Людвиг принялся было изучать нарисованных на одной из ваз шаловливых птичек, но тут пригласили его.

Оправив безупречный костюм, принц прошел в зал, вздернул подбородок и выпрямил спину, словно на параде.

Его уже ждали. Вошедшие первыми десять рыцарей стояли полукругом. На небольшом подиуме, немного напомнившим Людвигу сцену, возвышался дед принца. Старик единственный из всех участников этого странного действия был одет в полотняные белые одеяния, точно такие, в каких обычно изображаются пастухи, пришедшие поглядеть на новорожденного Иисуса на рождественских картинках.

Людвиг улыбнулся и бесстрашно занял указанное ему место.

Нет! Решительно, после ночи пира и получения тайных знаний судьба решила посмеяться над принцем. Зал не был убран свечами, да и вообще это был не церковный, а вполне светский зал с портретами важных господ, вазами с цветами и бюстами знаменитых философов.

Было светло от огромных, занавешенных легкими маркизами, окон. С тоской Людвиг попытался упереться взглядом в стену, но тут же обнаружил пятно и отвернулся.

Дед начал читать заготовленную речь, Людвиг рассеянно слушал его, понимая, что все его возвышенное настроение рассыпается на мелкие частицы.

«Какие рыцари? Какие посвящения? Все обман и пустая трата времени. Все давным-давно утрачено, исчезло, испарилось, – сетовал про себя принц. – Разве так посвящали в рыцари в давние времена?! Нет даже меча – какой позор! И это они называют посвящением в рыцари!»

Он был готов расплакаться от досады или наговорить дерзостей, но природное воспитание не позволило ему скатиться до такого свинства.

«Успокойся, правнучек, – прозвучал вдруг в его голове голос первого короля Баварии. – Рыцарство – не в доспехах, не в оружии. Будь честным рыцарем, помогай слабым, защищай обиженных, заступайся за сирых и убогих. Живи по нагорной проповеди. И твое будет царствие небесное, – старый король рассмеялся, сквозь его величественную полупрозрачную фигуру современные рыцари казались живыми карикатурами. – Ты хотел, правнучек, чтобы за тобой прислали рыцарей в латах? Не смейся. В ваше-то время... Далек бы они прогарцевали с копьями и мечами, до первого полицейского, пожалуй. Сам, что ли, не понимаешь. Если в душе ты рыцарь – меч при тебе, шпага, револьвер или в руках твоих пустота, – ты все равно останешься рыцарем».

«Но я же хотел, чтобы все было красивым! Возвышенным! Чтобы на всю жизнь запомнилось», – Людвиг попытался сглотнуть вставший в горле комочек, подняв глаза на читающего свою речь деда, да так и застыл с открытым ртом. Зал, в котором они находились, преобразился, сделавшись огромным. Серые своды устремлялись к небу, теряясь в необозримой дали. Вокруг горело множество свечей, распятый Христос словно пытался обнять своими распростертыми руками все живое. И свечи, свечи крепились на стенах, подобно сталакти-там росли из пола, каким-то непостижимым образом висели в воздухе.

Людвиг ощутил запах ладана и восточных благовоний. Голос магистра разносился по величественному собору, и ему вторили голоса невидимых певчих. Зазвучал орган. Стоящие полукругом рыцари сверкали золотом и серебром своих доспехов, с плеч их ниспадали шелковые плащи рыцарей ордена Святого Георгия.

Магистр дочитал до последней страницы и, обратившись к Людвигу, поднял меч. Юноша опустился на колени, хор запел громче, орган был почти оглушительен. Меч слегка коснулся его плеча, в этот момент прозвучал оглушительный удар грома, и Людвиг ощутил, как сквозь его тело прошла молния.

Испуганно он взглянул на магистра, пытаясь понять, заметил ли он произошедшее, и чуть не закричал. Рядом с дедом справа стояла бабушка Тереза в призрачном плаще с музыкальной шкатулкой в руках. Слева в парадном платье и с золотой короной на голове Людвигу улыбалась мама. Никогда прежде Людвиг не видел маму такой красивой и величественной, как в тот день.

Людвигу разрешили подняться, но он не смог этого сделать сам, и двое рыцарей подняли его под руки. При этом шкатулка бабушки временами заглушала собой орган.

Через несколько лет после посвящения в рыцари Людвиг с потрясающими подробностями описывал весь ритуал, отдельно останавливаясь на описании гербов, одеяния и драгоценностей присутствующих на нем особ.

Особенно понравилось деду описание короны на голове его невестки. Ведь это был именно тот призрачный венец, который видел на ней он сам. Так что магистр сделал для себя вывод, что внук унаследовал фамильную склонность Виттельсбахов к ясновидению. Попросив его между делом не распространяться о произошедшем на посвящении.

Часть вторая Король Людвиг Второй

*Бродит юная монашка
В полной форме бегуинки,
Завернувшись в плащ суровый
Из грубейшей черной саржи
С островерхим капюшоном.
Вдоль по рейнским побережьям
По дороге в край Голландский
Быстро девушка шагает
И справляется у встречных:
Где найти мне Аполлона?
В красной мантии он ходит
И поет под звуки лиры.
Он мой бог, мой милый идол!
Но никто не хочет слышать.
Кто показывает спину,
Кто плечами пожимает,
Кто вздыхает: «Ах, дитя!..»*

Генрих Гейне

Королевская власть

Когда Людвигу исполнилось восемнадцать с половиной лет, то есть через два с половиной года после таинственной вечера и посвящения в рыцари, как и было предсказано, умер его отец король Максимилиан Иосиф Второй, после которого трон унаследовал Людвиг.

Когда баварцы увидели своего нового короля, они были поражены – юный Виттельсбах был писаным красавцем под два метра роста с черными, густыми, вьющимися волосами и голубыми глазами мечтателя.

Он держался так естественно и грациозно, говорил такие умные и интересные вещи, так галантно ухаживал за дамами и оказывал знаки внимания прибывшим на коронацию гостям, что публика тут же окрестила его принцем из сказки.

Верный клятве, едва взойдя на престол, Людвиг произнес свой первый приказ: как можно быстрее разыскать и привести в Баварию маэстро Вагнера. Людвиг написал композитору восторженное письмо, обещав положить к ногам его гения свою страну со всеми ее богатствами и человеческими дарованиями.

«Я мечтаю, чтобы вы жили здесь и создавали свои прекрасные оперы. О постановке же можете не беспокоиться – у вас будет столько денег, сколько их потребуется. Я приглашу тех художников, певцов и музыкантов, каких вы сами укажете мне», – писал он Вагнеру.

Людвиг был счастлив. Все газеты говорили только о нем, его постоянно фотографировали, у него и у его людей брали интервью. А он неумоимо рассказывал об операх Вагнера, который в скором времени поселится в Баварии, чтобы напитать ее пищей духовной, в коей та столь нуждается.

В это счастливое для себя время Людвиг подружился с Елизаветой Австрийской, с которой долгие годы затем состоялся в переписке, что, без сомнения, добавило ему популярности.

Ни одна столичная газета не выходила без сообщений о самом юном в Европе короле. Как был одет Людвиг на балу у бургомистра, что он пил и что ел в гостях у министра финансов, что написал в альбом дочери капитана жандармов. Магазины и уличные лотошники торговали портретами Людвига. Каждая девушка в стране и за рубежом считала первейшей необходимостью украсить свой стол или альбом фотографией баварского короля. Вот он в военном мундире гарцует на вороном коне, вот стоит рядом с матерью или позирует фотографу в одном из залов Мюнхенской королевской резиденции, по стенам которого расположены фрески с героическими картинами из жизни своих предков.

И конечно же каждая девушка мечтала сделаться его обожаемой супругой и королевой Баварии или хотя бы временной, но счастливой избранницей. Мария Гогенцоллернская Прусская – королева–мать настаивала на скорейшей женитьбе сына. Казалось вполне естественным, что жадный до внимания публики Людвиг сыграет на глазах многочисленных подданных свой очередной триумф – освещаемый в прессе выбор невесты, романтическую помолвку в современном или старинном стиле и, наконец, блистательную свадьбу.

Все складывалось как нельзя лучше, за спиной у сына королева возглавила комитет, целью которого был розыск подходящих кандидатур в будущие королевы Баварии.

Одной из кандидаток в невесты Людвига была четырнадцатилетняя русская Великая Княжна Мария²⁰, дочь императрицы Марии Александровны²¹. Королю показали ее портрет, и он остался доволен нежным личиком княжны. Их встреча произошла в Баварии, куда официально мать и дочь приехали на отдых. На самом деле единственно с целью знакомства с королем.

Людвиг был вежлив и обходителен с обеими дамами, так что его мать предполагала, что вскоре последует формальное предложение. Но время шло, а юный король, казалось, был более увлечен Марией Александровной, нежели ее дочерью. Умный не по годам Людвиг просто не знал, о чем разговаривать с Мари, казавшейся ему неразумной дитятей, которой в пору еще в куклы играть.

Разрыв произошел неожиданно и, как казалось, не имел под собой сколько–нибудь твердой почвы. Однажды во время прогулки по парку в Мюнхене Людвиг рассказывал императрице о своей любви к операм Вагнера. На что дама простодушно ответила, что не понимает и не принимает творчество этого композитора, чьи оперы кажутся ей вульгарными, а музыка – излишне громкой.

Услышав нелестный отзыв в адрес своего любимца, Людвиг немедленно порвал все дружеские отношения с русскими дамами, не пожелав даже проститься с ними, когда мать и дочь уезжали обратно в Россию.

Были и другие претендентки в невесты, но неожиданно для всех Людвиг отклонил всех предлагаемых ему девушек, сказав, что сам уже подыскал себе невесту. Ею должна была стать его тетка герцогиня София²², являющаяся дочерью Максимилиана–Иосифа²³, герцога Баварского и принцессы Людовики²⁴, сестры Людвига Первого.

²⁰ **Великая Княжна Мария Александровна** (позже **Герцогиня Эдинбургская** и **Герцогиня Саксен-Кобург-Готская**; 17 октября 1853, Царское Село – 24 октября 1920, Цюрих) – дочь российского императора Александра II и императрицы Марии Александровны. Позже Мария выйдет замуж за принца Альфреда герцога Эдинбургского, второго сына королевы Виктории и принца Альберта Саксен-Кобург-Готского.

²¹ **Мария Александровна** (1824 – 80) – императрица, супруга имп. Александра II (с 1841), урожденная принцесса Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария Гессен-Дармштадская, мать имп. Александра III. Рано выйдя замуж, М. А. посвятила первые два десятилетия пребывания в России рождению и воспитанию детей: Александры, Николая, Александра, Владимира, Алексея, Марии, Сергея и Павла. В конце 1850-х гг., еще при жизни свекрови, имп. Александры Федоровны, приняла на себя рук-во жен. учебными заведениями. При ней была проведена прогрессивная реформа ин-тов: введены каникулы; убраны парাপеты, разделявшие девочек и посетителей в приемные часы; изменена учебная программа: введено изучение естественнонаучных предметов, лит-ры, гимнастики и т. д.

²² **София Шарлотта Августа** (22 февраля 1847, Мюнхен – 4 мая 1897, Париж) – принцесса Баварская, герцогиня Баварская, позднее герцогиня Алансонская и Орлеанская.

В доказательство правильности своего выбора Людвиг поставил перед членами комитета портрет герцогини Софии, выполненный кистью одного из лучших художников Мюнхена.

«Вот достойная невеста короля!» – воскликнул Людвиг, с гордостью демонстрируя собранию миловидное личико претендентки.

Смушение министров и членов комитета не знало границ, мало того что невеста приходилась жениху двоюродной теткой и была на два года старше Людвигу, так ко всему прочему она и не могла похвастаться богатым приданым, была поэтессой и весьма экзальтированной личностью. Но король уперся, не желая уступать. Ведь в отличие от иноземных принцесс, портреты которых привозили Людвигу чуть ли не каждый день и о которых он не мог ничего сказать, кроме как красивы те или нет, очаровательную Софи он знал с самого детства, так как вместе с матерью и дедом они часто навещали ее в замке родителей Поссенгофен на Штарнбергском озере, что недалеко от королевского замка Берг.

Приняв решение жениться, Людвиг велел срезать все цветы королевской оранжереи, погрузить их в кареты и, прихватив с собой музыкантов, отправился в замок на Штарнбергском озере, где и сделал предложение уже извещенной срочным курьером о цели приезда короля Софи.

Прослышав о странной любви юного короля к русалкам и наядам, София подобрала зеленоватое платье и распустила свои изумительные волосы цвета меди, подколов их бриллиантовыми заколками, которые выглядели точно капли утренней росы в волосах юной и прелестной нимфы.

Нимфа – так называл ее Людвиг еще будучи мальчиком. София действительно вполне соответствовала вкусу своего жениха. Она была романтична и мечтательна, любила охоту и прогулки верхом. Могла часами плавать по своему озеру в одинокой лодочке и замороженно смотреть на воду.

София была поэтессой. Иногда в шутку обрядив дворовых девок в костюмы амазонок, заставляла их носиться по лесу с зажженными факелами. Все эти странности пленяли юного мечтателя, который видел в своей избраннице нежную и нуждающуюся в его трогательной заботе и внимании лилию, не подозревая, что на самом деле лесная нимфа может обернуться Дианой–охотницей, много лет выслеживающей свою добычу.

А добыча, надо сказать, стоила того, чтобы за ней и погоняться. Самый молодой и красивый король делал ей предложение руки, сердца и баварского трона. София не любила Людвигу, а его общество было для нее чересчур утомительным, так как король знал много стихов наизусть и любил, когда его окружение умело хорошо декламировать, петь и поддерживать разговор на темы искусства, архитектуры или истории. Поэтому для того чтобы только беседовать с Людвигом, Софии приходилось просиживать долгие часы в библиотеке.

Все это было очень утомительным и скучным. Но она просто не могла отказаться от столь заманчивых перспектив и упустить летящую ей в руки удачу.

В честь помолвки Людвигу и Софии была отчеканена медаль с бюстами жениха и невесты. С этого дня король ждал назначенной свадьбы, часто навещаясь в Поссенгофен или вывозя невесту в театры, на выставки и балы.

Свадьба должна была состояться 12 октября 1867 года – то есть в тот же день, когда венчались его дед Людвиг Второй с бабушкой Терезой. Молодой король сходил с ума от любви и страсти, все время думая, как еще можно угодить своей прекрасной невесте. В любое время

²³ **Максимилиан Жозеф** (4 октября 1808, Бамберг – 15 ноября 1888, Мюнхен) – герцог Баварский из семьи Виттельсбахов.

²⁴ **Принцесса Мария Людовика Вильгельмина Баварская** (нем. *Maria Ludovika Wilhelmine Prinzessin von Bayern*, 30 августа 1808(18080830) – 25 января 1892) – шестая дочь короля Баварии Максимилиана I и его второй жены Каролины Баденской.

дня и ночи он посылал ей дорогие подарки и букеты цветов, которые по странной прихоти Людвига и с полного согласия Софии она должна была принимать, будучи одетой в парадное платье со сделанной прической и с безукоризненным макияжем на лице.

Это условие сделалось настоящим испытанием для Софии, которой приходилось подниматься иногда в три часа ночи, для того чтобы облачаться в парадное платье с голубой орденской лентой, уложить волосы в изящную прическу или воспользоваться ожидающим на туалетном столике париком, припудрить щеки. После чего она чинно выходила в самый большой зал замка, где, умирая от усталости и желания спать, встречала посыльного.

Посыльный же должен был не только передать подарок и выслушать церемониальные слова благодарности, а еще до мельчайших деталей запомнить облик принцессы, чтобы затем пересказать увиденное королю.

При этом Людвиг не удовлетворялся перечислением цвета платья и рисунком веера, если таковой имелся. Он желал знать, как падал свет на его прекрасную возлюбленную и пели ли в этот момент в саду птицы. Его интересовало первое впечатление гонца, когда тот увидел чарующее зрелище молодой герцогини.

В ожидании известий Людвиг приучил себя не спать по ночам, отсыпаясь днем, чем несказанно доводил дворцовую прислугу.

Однажды посыльный доложил королю, что принимающая его дама была одета в ярко-красное платье.

Услышав это, Людвиг ахнул, а затем велел седлать коня и сам помчался в замок, чтобы узнать, не хотела ли этим божественная София предостеречь его от какого-нибудь несчастья. В общем, предсвадебная лихорадка юного короля стоила не малых нервов Софии.

Все чаще она останавливалась на мысли, что на самом деле между ней и Людвигом нет и не может быть ничего общего. Он хотел говорить с ней только на возвышенные темы, заставляя ее сочинять для него стихи, а она не умела писать по заказу. Людвиг приходил обсудить историю крестовых походов и гнусности инквизиции, которую откровенно ненавидел, и Софии приходилось не только вежливо выслушивать его, но и как-то поддерживать разговор. Что было иногда довольно-таки трудно ввиду того, что Людвиг обладал великолепнейшей памятью и все даты, сложные имена и названия он запоминал с первого раза, свободно цитируя как Святое Писание, так и протоколы допросов.

В свободное от Людвига время София мучилась, составляя список своих придворных дам, которых следовало набирать таким образом, чтобы ни одна из лидирующих партий не была обижена ее решением. Она не могла принять список, отданный ей орденом Святого Георгия, полностью, так как таким образом она откровенно выказала бы себя как яростный враг иллюминатов, у которых неофициально было ровно столько же голосов, сколько и у рыцарей. Когда она спрашивала совета у короля, тот морщил нос, не желая обсуждать столь низменные темы и разрешая ей поступать так, как та сама сочтет нужным. Хоть набрать весь штат придворных дам из одних своих подруг.

Но в том-то и дело, что поэтессы и лесные нимфы практически никогда не имеют подруг.

София была небогата. Она мало бывала на людях, предпочитая свое озеро, лошадей, собак и старый замок, своих проверенных слуг и служанок, удобные хоть и не отвечающие последним пискам моды платья.

Все общение с будущим женихом для герцогини Софии проходило как какой-то дикий и мучивший ее маскарад, где она должна была играть не свойственную ей роль и общаться с человеком, которому нужно было потакать во всем, так как тот мог обидеться и ускакать, оставив незадачливую невесту на бобах.

Но страдал и Людвиг. Все чаще он приходил к выводу на сколько далека его невеста от всего, что приятно и радостно его сердцу. После каждой ссоры с Софией Людвиг уезжал

куда–нибудь подальше, где можно было побыть в блаженном одиночестве или закрутиться в вихре светской жизни. Сначала он оставлял невесту, уезжая в Мюнхен, где бывал в гостях и театрах. Затем, когда ссоры сделались серьезнее, а последствия более болезненными, поехал с братом Отто в замок Вартбург в Эйзенах.

Оттуда он вернулся полный радостных планов и смелых проектов по реконструкции увиденного замка и отправился мириться с невестой.

Они долго плакали в объятиях друг друга. Людвигу казалось, что теперь, наконец, сбывается все то, что обещали ему на призрачной вечере, и он нашел Эльзу в лице герцогини Софии.

Они отправились на конную прогулку, которая взбодрила их обоих. Затем в замке был устроен роскошный обед в честь возвращения короля и примирения возлюбленных. После обеда Людвиг отвел свою возлюбленную в тенистую беседку, где битый час рассказывал о своих планах по реконструкции замка.

Закончив, Людвиг обнаружил ужасное – его невеста спокойно спала, прислонившись к плетеной стене беседки. Удар был страшен. Людвиг понял, что ничто не может связывать его с женщиной, не способной воспринимать его планы и проекты.

Встряхнув за плечи герцогиню, Людвиг проорал в ее заспанное личико, что она может спать, сколько хочет, ибо свое счастье она уже проспала! После чего, не дожидаясь объяснений или оправданий, он выскочил из беседки и умчался в свой замок.

В ту же ночь, спасаясь от непонимания и любви, он инкогнито отправился в Париж. Там он отдыхал душой, посещая театры, королевские дворцы и всемирную выставку. Целые дни напролет он мог гулять по Версалью, срисовывая мельчайшие элементы декора. Так как решил повторить Версаль у себя дома в Мюнхене или любом другом уголке Баварии.

Построить свой Версаль, чтобы царствовать в нем подобно Королю–Солнцу – Людовику Четырнадцатому²⁵. Людвиг уже видел, как он переоденет прислугу, заведет обычаи, сходные или полностью копирующие Короля–Солнце.

Как это будет возвышенно и прекрасно. Какая вообще замечательная идея построить несколько замков в принципиально разных стилях: из разных стран, разных эпох, разных историй, и восстановить в них жизнь, сходную с той, что вели в них когда–то Мария Стюарт, Жанна Д’Арк, Наполеон Бонапарт или госпожа Помпадур. Почему бы и нет?

Вдохновленный новыми проектами, Людвиг поспешил домой.

Первое, что он желал осуществить, было преобразование королевских покоев в Мюнхенском королевском дворце. Для осуществления задумки король велел купить и заказать у известных мастеров гобелены и портреты, являющиеся точной копией тех, что Людвиг видел в Версале. Повторялся цвет стен, лепнина и резьба. Не считая себя хорошим специалистом в копировании, король командировал одного из мюнхенских художников, который должен был срисовывать мельчайшие детали убранства версальского дворца.

²⁵ Людовик XIV Король Солнце, король в 1643 – 1715 годах (династия Бурбонов).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.